

РОССИЯ И НЕФТЬ

22 октября 2015 | Москва

МОДЕРАТОРЫ:

Андрей Мовчан, директор программы «Экономическая политика» Московского Центра Карнеги

Евгений Тонкачев, управляющий партнер IFG Basis и президент Клуба выпускников Школы бизнеса Чикагского университета (University of Chicago Booth School of Business)

СПИКЕР:

Михаил Крутихин, партнер консалтингового агентства RusEnergy

Андрей Мовчан. Хочу сказать два слова на правах сотрудника того места, где вы находитесь. Во-первых, спасибо всем, что пришли. Надеюсь, кто-то ещё подойдет всё-таки послушать. Спасибо Жене, который бесконечно и бескорыстно организует подобные встречи. Надеюсь, что всем всё понравится и что мы сможем в Карнеги проводить эти встречи более-менее регулярно, если не всегда. По крайней мере, у руководства Центра есть к этому позитивное отношение.

На каждом стуле есть пакет, который я предлагаю забрать с собой. В нём очень много информации. Может быть, это приучит вас смотреть на сайт — Carnegie.ru. Там очень много интересных статей. Не все из них попадают в фейсбук. Иногда они не так интересны, как фейсбук, но тем не менее...

Сегодня — для тех, кто не знает, — у нас встреча с Михаилом Крутихиным. Это, наверное, с точки зрения субъективных, рейтинговых оценок — по крайней мере моих — человек № 1 в нефти и газе в России с точки зрения понимания процессов и того, какие силы действуют, как это функционирует, прогнозирования и форкастинга. Это человек, которого я всё время читаю, на которого у меня стоит фильтр, в частности для того, чтобы понимать, что происходит в индустрии.

Михаил Крутихин. Для начала расскажу, откуда я взялся и что это такое. Нефтегазовый аналитик я последние 22 года. Образование я получил в Московском государственном университете в Институте восточных языков — так раньше назывался Институт стран Азии и Африки — по Ирану, по персидской филологии. После этого я два года прослужил в иранской армии лейтенантом-переводчиком, поскольку там были советские советники и военные специалисты, — в 1970–1972 году. После этого я поступался в ТАСС и попросил, чтобы меня взяли в ТАСС. И 20 лет я проработал в ТАССе, где был не просто редактором в Москве, а ещё и корреспондентом в Египте (два раза), в Ливане, в Сирии и в Иране. То есть в общей сложности 13 лет на Ближнем Востоке. Был один перерыв на аспирантуру, когда я — как выяснилось — был невыездным по каким-то смешным причинам. И меня из ТАССа откомандировали в Академию общественных наук при ЦК КПСС, где, как говорили в академии, «спасибо партии родной за трёхгодичный выходной». Мне позволили сделать диссертацию на степень кандидата исторических наук по современному Ирану, по иранскому рабочему коммунистическому движению — очень забавной была тема. Для служебного ведения два раза арестовывали эту диссертацию в международном отделе ЦК КПСС, но потом всё-таки дали защититься.

Когда развалился Советский Союз, я был в Каире. Я вернулся из Каира и увидел, что это новая страна и что моё любимое агентство, ТАСС, разваливают, разворовывают и, в общем-то, уничтожают. На следующий день я ушёл из ТАССа — ушёл в никуда. То есть абсолютно не знал, что делать. Немножко переводил за деньги... кстати, «Стар Трек». Некоторые романы (без указания моей фамилии) на русском языке вышли в моём переводе. Но потом мы с приятелем организовали маленькое PR-агентство.

Потом я увидел объявление: «Американской компании требуется заместитель главного редактора для отраслевого журнала». Решил попробовать. Пришёл. Оказалось, что действительно маленькая американская компания издавала журнал *Russian Petroleum Investor*. И я стал замом главного редактора, а потом главным редактором этого американского специализированного журнала. И я прошёл довольно неплохую школу

американских аналитиков. И где-то на восьмом году работы в этом направлении я стал понимать, что я что-то могу делать. То есть для того, чтобы от нуля пройти до аналитики, потребовалось примерно 8 лет.

Потом мы выделились с моими приятелями из американской компании и создали свою небольшую консалтинговую фирму — RusEnergy. Она существует и сейчас. Мы в основном занимаемся оказанием информационных консалтинговых услуг. Перестали что-то выпускать — мы выпускали журнал, бюллетени и так далее. И сейчас в основном это консалтинг. Это и банкиры, и инвесторы, и поставщики оборудования, и поставщики технологий — клиентов пока хватает. Хотя их становится регулярно меньше.

Сначала я хочу сказать, что этой нефтегазовой аналитикой... Вообще, нефтегаз у нас с точки зрения инвестиций в него прошёл несколько очень чётко различимых периодов. Сначала была полная эйфория, когда иностранцы приходили и мы их консультировали на предмет того, как создать совместное предприятие. Действительно, около 40 совместных предприятий добывали нефть и газ в России и вполне успешно пытались развиваться. Потом наступил период, когда мы консультировали иностранных инвесторов только о том, как им убраться из России, минимизируя потери. После этого был длительный период просто мониторинга того, что происходит в России, — никто ничего инвестировать не хотел, а просто смотрели за ситуацией. Потом стало совершенно ясно, что если хочешь работать в России по нефти, то надо идти в «Роснефть», если хочешь работать по газу — в «Газпром». С ними надо налаживать отношения, а с другими компаниями смысла особого нет никакого. Основными клиентами стали, во-первых, поставщики технологий и услуг, а во-вторых — финансовые организации — помимо тех, кому надо следить вообще за ситуацией в России, — которые могли предоставить какое-то финансирование по нефтегазовым проектам.

Теперь я хочу переключиться на такую тему: что же нового сейчас мы наблюдаем в нефтегазовой отрасли. Пока мы разговаривали в коридоре, я слышал замечательное суждение о том, что что-то сдвигается и становится более конструктивным подход. Возможно, это в политике, возможно, ещё где-то. Я вижу очень серьёзные изменения именно в нефтегазовой отрасли. У меня репутация такая, что меня иногда называют Gazprom basher, то есть это человек, который «Газпром» только критикует и критикует. Сейчас у меня есть серьёзные основания говорить, что «Газпром» очень сильно изменился, в нём появились конструктивные черты — черты коммерческих компаний, а не просто политического инструмента Кремля, как говорили раньше. Там наблюдаются какие-то сдвиги.

Теперь давайте отдельно про нефть и газ. Нефтяная отрасль и газовая отрасль сталкиваются с абсолютно разными проблемами, разными вызовами. В соответствии с этим они по-разному организованы и по-разному решают свои проблемы. С точки зрения нефти самое главное для России — это то, что добыча будет падать (и падать она будет очень быстро). Был такой документ — «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года». Сейчас новый проект этого документа правительство собирается принимать где-то в ноябре. Может, в декабре или начале будущего года примут документ под названием «Генеральная схема развития нефтяной отрасли». В этих документах раньше, в предыдущих вариантах, говорилось, что есть два сценария для российской нефтянки. Первое (такой оптимистичный сценарий): мы не наращиваем добычу, а удерживаем её на

уровне 2013-2014-го годов — 525-527 миллионов тонн в год, и мы так тихо-тихо, спокойно идём. Но Министерство энергетики предупреждало о том, что выдержать мы это сможем только тогда, когда мы дадим налоговые льготы для тех, кто добывает нефть из трудноизвлекаемых запасов. И тогда мы выдержим эту замечательную линию. Но вчера мне показали... Я не видел ещё эту схему — и вдруг выясняется вчера на семинаре в ИМЭМО из этой генеральной схемы развития нефтяной отрасли, того самого проектного документа, что, по последним расчётам, которые не самые еще пессимистичные, наша добыча должна немножечко подняться (может быть, в следующем году), а потом вдруг в течение 20 лет (до 2025 года) должна опуститься на уровень 310 миллионов тонн. То есть от 528 за 20 лет цифра должна катастрофически упасть. Причём составлено это...

Мовчан. Сечин.

Крутихин. Оставим пока Сечина в стороне. Кстати, Сечин, я думаю, приложил руку и к этим данным, потому что данные составлены на основе прогнозов нефтяных компаний.

Мовчан. А его заявление про 700?

Крутихин. Товарищ Сечин, когда даёт такие прогнозы аналитикам и правительственным экспертам, старается показать, что без налоговых льгот, без субсидий, без помощи со стороны суверенных фондов Российской Федерации наша нефтянка стоит на пороге коллапса, скоро у нас будет совсем-совсем плохо. Тот график, который показан... Я думаю, что скоро так оно может и произойти. На этом графике только одно плохо: там сначала идёт такой горб — на следующий год и дальше, а потом, после горба, начинается падение. Но я не верю правительственным рассказам о том, что при налоговых льготах они могут выдержать на равном месте эту добычу. Потому что правительство говорит, что нужно вводить в эксплуатацию трудноизвлекаемые запасы путём налоговых льгот и так далее. Но налоговых льгот на это не хватит. Хотя в прошлом году они дали где-то... 20 миллионов тонн добычи, как говорят, были обеспечены как раз трудноизвлекаемыми запасами. Но в России этих трудноизвлекаемых запасов где-то 70% из всей оставшейся нефти. То есть это очень много. А «лёгкая» нефть находится в состоянии какого-то истощения. Те проекты, которые сейчас работают (за редкими-редкими исключениями, которые можно пересчитать по пальцам), находятся в положении уже падающей добычи.

Надо откуда-то брать нефть. На шельф невозможно выходить по двум причинам. На шельфе у России всего 4% оставшейся нефти — там газ, а нефти очень немного. На арктическом шельфе — 2%, то есть половина из всей этой нефти в открытом море. Идти за нефтью туда не стоит. И вторая причина: как говорит Федун из «Лукойла», себестоимость одного барреля этой нефти будет где-то 150\$, если на арктическом шельфе её добывать. Продать её невозможно. Если на арктическом шельфе пробурили одну скважину в Карском море, то сколько стоила скважина компании ExxonMobil? 650 миллионов долларов. Это одна скважина, которую закупорили, даже не испытали. И даже не знают, можно там что-то добывать или нет, — это просто любопытство стоило такую большую-пребольшую сумму. То есть на шельф идти не стоит.

За трудноизвлекаемой нефтью в России надо идти на сушу. Замечательно! Сейчас у нас Министерство природных ресурсов включило в категорию технологически и коммерчески извлекаемых запасов так называемую баженовскую свиту. Что это такое? В

Западной Сибири у нас добывается основная часть нефти где-то в среднем на глубине полутора километров. Баженовская свита — это 4,5 километра. Это раз. Во-вторых, это под большим давлением. То есть извлекать и бурить уже дороже — извлекать тем более. В-третьих, там всё ещё хитрее, потому что порода, в которой находится нефть, не пористая — это слежавшаяся под давлением глина, там вся нефть вот в таких линзочках. Если вы нападёте на эту линзочку, там будет бить фонтан нефти 3 дня, а на четвертый он кончится — или через полмесяца, или через полчаса. Никто не знает, какая там линзочка. Но когда эта нефть под большим давлением кончится, то из других линзочек ничего не поступит, потому что порода не пористая. И не хватит никаких гидроразрывов пласта для того, чтобы пробиться... Никто не знает, где эти линзочки находятся. Как оценивают геологи, можно взять 2-3% из этого. А запасов там примерно столько же, сколько во всей Западной Сибири, — вот таких конвенциональных запасов, которые сейчас добываются. Поэтому, конечно, записали в технически извлекаемую нефть, но ни западными технологиями, ни российскими технологиями, ни какими-то инопланетными технологиями взять её пока ещё невозможно.

То есть нефти не будет, и нефти будет становиться всё меньше и меньше. Есть ли выход из этого положения? Я думаю, что всё-таки какой-то есть. В России очень много есть и открывается мелких месторождений. То есть 2-3 миллиона тонн. Если когда-то открывали 50 миллионов тонн нефти и говорили, что это средненькое месторожденье, мы будем его разрабатывать, то сейчас откроют 3 миллиона тонн — «О! Смотрите, какое интересное месторождение!». Но крупная компания его не возьмёт, потому что ей неинтересно. Даже дочерние отделения крупных компаний этим не занимаются. Значит, нужно, чтобы мелкие и средние компании имели возможность заниматься... В США до 25 тысяч нефтяных компаний занимаются непосредственно разведкой и добычей нефти. Это те, кто создал сланцевую революцию... Я всегда говорю, что у сланцевой революции есть отец и мать. Отец — это Джордж Митчелл, который взял небольшую сумму в долг в своей маленькой компании и объединил два хорошо известных метода — горизонтальное бурение скважины и многостадийный разрыв пласта (под давлением накачивают пропан и там, в этом слое, делаются трещины; из этих слоёв идёт очень хорошая отдача нефти и газа). Когда он увидел, что эти два метода совместно работают, то он, по-моему, продал свою компанию за 4 миллиарда долларов. Это вот отец. А мать — это тётя Агата, это какая-то старушка, у которой есть несколько акров земли, но все недра под этими акрами принадлежат этой старушке — по американскому законодательству. Это у нас 3 сантиметра на выращивание редиски или клубники... ради Бога. Но если откопашь у себя нефть, то она будет принадлежать государству, тем самым чиновникам, которые её будут лицензировать, распределять и так далее. А в США старушка может нанять геологов, что посмотреть, есть там что или нет. Если она в хорошем регионе, то там придут и за свой счёт сделают ей геофизику и посмотрят, есть ли там какие-то структуры. Потом она получит с тех, кто притащит к ней буровую установку.

Из-за этого мы сейчас находимся в таком замечательном состоянии нефтяной отрасли — глобальной нефтяной отрасли, — которая определяется одним игроком. Этот игрок — это тысячи американских компаний, добывающих сланцевую нефть. О газе я потом буду говорить ещё.

Раньше можно было сказать, что есть ОПЕК, они могут как картель манипулировать ценами на рынке: повышают, понижают свою квоту, договариваются, и всё становится как

надо. Они и эмбарго объявляли... В общем, работали на рынке как могли. И вдруг выяснилось, что рынок абсолютно нерегулируемый, и на нём появился игрок, который необыкновенно гибок. В США где-то примерно 1 600 бригад с хорошим оборудованием, которые могут заниматься бурением вот этих горизонтальных скважин и гидроразрывом пласта. Сейчас где-то примерно 600 бригад работает. Но они добывают столько нефти и газа, сколько добывали те 1 600. Потому что эти ребята — маленькие компании. Во-первых, они готовы на риск. Во-вторых, они готовы на инновации. И они довели эту технологию до совершенства. Они настолько снизили себестоимость добычи! Раньше говорили, что сланцевая нефть не может быть рентабельной, если цена на нефть меньше 80 долларов. Сейчас они говорят, что могут работать при 45 и 50. То есть большинство этих компаний могут работать с меньшим числом скважин. В Америке не падает, а даже растёт добыча нефти, хотя драматически падает число этих...

И мы видим, что Россия не может сделать ничего, ОПЕК не может сделать ничего. В Саудовской Аравии люди очень хорошо поняли, что происходит и что они действительно не могут ничего сделать. Они пытаются приспособиться — и пытаются приспособиться, я думаю, довольно мудро: давайте хотя бы сохраним свою рыночную нишу, если мы не можем никаким образом воздействовать на цены. Сначала были попытки: пусть цены падают, мы выдавим с рынка кого-то, а потом, значит, займём всё это хозяйство. Выяснилось, что, во-первых, им не удалось выдавить тех, у кого очень дорогая себестоимость (в частности, это так называемые нефтяные битуминозные пески в Канаде; там добыча растёт, потому что они там столько вложили капекса в свои проекты, что там просто нужно закончить работу относительно недорогими усилиями и дальше продолжать работать). И они не могут ничего сделать с теми, кто добывает сланцевую нефть и сланцевый газ в США. Вчера главный экономист ВР Россия Дребенцов сообщил, что, по подсчётам его компании, ВР, закрылись под воздействием низких цен 46 крупных проектов. Большая часть этих проектов — это глубоководные разработки в Мексиканском заливе и других районах планеты (в Бразилии, например). Закрылись некоторые арктические проекты. Но это проекты, где в основном не было даже принято инвестиционное решение. То есть нефть от них могла бы поступить на рынок где-то через 10 лет — в лучшем случае через 7 лет. То есть с рынка нефть не убирается. Это закрываются те проекты, которые могли бы когда-то осуществиться в будущем.

Возникает очень интересная мысль, которая подкрепляется расчётами по состоянию мировой экономики по спросу и предложению. Вдруг выясняется, что спрос на нефть в мире, конечно, будет расти. Но вдруг после 2035-го года во всех графиках появляется очень интересная загогулина — там спрос на нефть начинает сокращаться. То есть нефти до 2035-го года навалом, то есть можно её брать. И цена будет не очень высокая. А нефть от разных обстоятельств: под давлением технологического прогресса, из-за перехода автомобильных средств на какие-то альтернативные двигатели и так далее — будет уступать свои позиции. И саудовцы это хорошо поняли. Они сейчас хотят продать как можно больше того, что... Раньше была такая шутка: саудовцы решили продавать максимум своей нефти, потому что они увидели сообщение в интернете о том, что изобрели холодный термоядерный синтез; и они решили продать всё, что у них есть, чтобы хотя бы как-то... Шутка шуткой, но когда мы смотрим, что может кончиться эра нефти, что где-то в 2036-м году может уже что-то произойти... Мы не учитываем какого-то технологического прорыва. Но кончиться это может. Мы видим, что Россия — это не самый важный игрок на этом рынке.

Сейчас пошли слухи: «Смотрите, ценовая война против России. Саудовская Аравия завязала...». Но это не против России — это обыкновенный рынок работает. Если где-то есть возможность продать свою нефть, они бегут и торопятся занять эту нишу. А то прибежит Иран, которого тоже ждут на рынке, и он тоже начнёт занимать эту нишу. Когда в 2011-м году Ирану пришлось из-за санкций уходить из Европы, где-то 470 баррелей в сутки... эту иранскую нишу заняла Россия. Теперь либо саудовцам, либо иранцам надо оттуда вытеснить Россию, чтобы выходить со своей нефтью на свои старые ниши. И Россия будет сталкиваться с очень серьёзной проблемой.

Как к этому подходят в России? Пока никак не подходят. Если у нас, в России, были эффективные и крупные нефтяные компании, которые работали как коммерческие организации с эффективными менеджерами... Давайте смотреть: ЮКОС, ТНК, ВР, «Башнефть», «Удмуртнефть», «Сибнефть». Это теперь часть государственных компаний. Когда у нас говорят: «Даёшь приватизацию в нефтяном секторе» — то на самом деле идёт ползучая деприватизация. То есть у нас становится одна большая «Роснефть» и ещё кое-какие компании, которые тоже контролируются чиновниками. Почему чиновники не хотят никакой приватизации? Это совершенно понятно: может, через 5-6 лет он не будет на этом месте, но, пока он сидит на государственном посту в нефтяной компании или министерстве, контролируя какие-то денежные потоки, он совершенно не отвечает за какие-либо потери — он отвечает только перед своими приятелями, которым он даёт контракты на работу для этой компании. То есть никаких серьёзных реформ в нефтяной отрасли, по-моему, ожидать не приходится. Мало того, я думаю, нефтяную отрасль будут и дальше обдирать.

Когда объявили, что в следующем году с нефтяников снимут примерно 600 миллиардов рублей (по разным каналам), все в нефтяной отрасли ахнули. Нефтяники уже сокращают свои инвестиционные программы. И когда мы видим государственную статистику (в этом году растёт добыча нефти в России), что происходит? Нефтяники понимают, что дальше будет хуже, что с них будут слуплять всё больше и больше лишних доходов, которые они получают. То есть будут стричь эту несчастную овцу, или, как говорят, убивать курицу, несущую золотые яйца. И нефтяники делают следующие вещи: помимо того что они сокращают инвестиции в какие-то будущие проекты, они не идут на какие-то трудноизвлекаемые запасы, говорят, что это будет им просто невыгодно; они сокращают даже проекты, где правительство заставляло их работать. У «Роснефти», например, в районе Самары есть три нефтеперерабатывающих завода. Программа была такая: модернизировать их так, чтобы они выпускали топливо по стандартам «Евро-5». А теперь они говорят правительству: затормозить переход на более высокие сорта топлива. Они прекратили все работы по модернизации, не дают ни копейки денег, уволили часть рабочих. То есть эта программа фактически свёрнута.

На промыслах, которые ещё работают, происходит следующая картина. Нефтяники — не везде, правда, и не все — начинают переходить на советские методы хозяйства. Что это значит? Это означает, что гоним вал, гоним план: нам надо продать (как саудовцам) как можно больше нефти, а там дальше хоть трава не расти. Нефтяное месторождение надо разрабатывать очень оптимально. То есть внимательно смотреть, из каких мест берётся нефть, куда закачивается пластовая вода, — как и что. Они делают так: берут наиболее эффективные скважины, где давление ещё хорошее. Когда нефть качают, там, в скважине, устанавливают такую шайбу с калиброванным отверстием, чтобы знать точно... устанавливают, сколько нефти там пройдёт, и регулируют поступление нефти из скважины.

Они ставят туда шайбу со здоровенной дырой и гонят как можно больше нефти из этой скважины, давая план, давая объём. Это разрушение, это издевательство над месторождением. Большая часть нефти останется там.

Сейчас у нас, по России, позорный показатель — коэффициент извлечения нефти. В среднем всего 27% нефти извлекается из месторождений. В некоторых местах на Западе доходит до 90%. Вообще в среднем где-то 50-55% — это западные нормы. В наших программных документах (энергостратегия до 2035-го года) есть задача — повысить этот процент до 40% извлечения нефти. По данным российских геологов, которые не связаны с правительством, на самом деле сейчас идёт всего 20%. То есть они не могут извлечь больше, чем 20%, из уже действующих месторождений. То есть ситуация очень печальная. Никто не собирается давать какие-то льготы малым предприятиям, которые могли бы разрабатывать вот эти мелкие месторождения. У нас есть крупные команды, которые работают, и дальше никакой реформы в нефтяной отрасли никто проводить не собирается.

Давайте я вам немножко про газ расскажу. Газ у нас — это в основном «Газпром», как все понимают. А «Газпром» — это Путин, потому что он главный менеджер этой команды. Если говорить о Миллере, то Миллер никаких серьёзных стратегических решений не принимает. Это почтальон, который бегаёт в Кремль и приносит Путину абсолютно недостоверные отчёты (обязательно оптимистические) о том, что происходит, абсолютно недостоверные прогнозы (тоже оптимистические) о том, что будет происходить. Он получает некомпетентные указания нашего руководителя, относит их на улицу Намёткина в «Газпром», где стучит кулаком, давая указания подчинённым. Подчинённые поступают с этими указаниями в соответствии с принятой практикой: они их либо игнорируют, либо саботируют, либо искажают. «Газпром» тихинько-тихинько превращается в нормальную бизнес-компанию с коммерческими интересами, с нормальной работой с клиентами. А Миллер с Путиным и ещё несколько человек в «Газпроме» занимаются пропагандой и заявлениями, которые ничего общего с тем, что происходит с газовой отраслью, не имеют.

С газовой отраслью у нас происходит картина, противоположная нефтяной отрасли. Нефть можно продать всю и очень быстро. Китайцы возьмут... На Тихом океане очень хорошие сорта нефти... вот новый сорт вот этот идёт из порта Кузьмино на Тихом океане.

Реплика. Sokol.

Крутихин. Нет. Sokol делается по соглашению о разделе продукции фактически иностранными инвесторами. А восточносибирская нефть гонится по трубе из Восточной Сибири на Тихий океан. И там она — сорт ВСТО — и SPO, который продаётся даже с наценкой, а не с дисконтом, как сорт нефти Urals, который продаётся у нас в Европе. Так что с нефтью всё хорошо.

А с газом дела обстоят очень интересно: газа много, а его продать негде.

Совсем недавно, когда Миллер встречался с Путиным, он озвучил цифры, которые соответствовали действительности. Он сказал, что «Газпром» в прошлом году смог продать 444 миллиардов кубометров газа, а добыть мог бы гораздо больше. Невостребованный добычный потенциал составил 173 миллиарда кубометров — это гораздо больше, чем «Газпром» экспортирует в Европу. То есть не было покупателей на этот газ. Что

происходит? Если верить заявлениям руководства, то очень скоро, буквально через несколько лет, поток газа, который мы будем продавать в Азию, Китай и так далее, должен сравняться по объёму с потоком газа, который продаётся сейчас в Европу. И вот тут возникает простая арифметическая проблема. Когда я услышал сначала на международной конференции, потом на семинаре, что газпромowski чиновник, озвучивший вот этот лозунг, что скоро мы будем... Путин это говорил, и Миллер это говорил. И этот чиновник начал говорить тоже, что больше газа пойдёт в Китай — даже больше, чем в Европу. Я не выдержал, вылез и говорю: «Простите, давайте по арифметике. В своё время Путин озвучил такую цифру: мы скоро будем в Китай поставлять 68 миллиардов кубометров газа в год. Понимаю, что не будем, но примем это за нужную цифру. Когда вы говорите, что будет равный поток, вы угрожаете европейцам обрезать поток газа, который сейчас поступает в Европу, наполовину, чтобы он сравнялся с китайским». На что я получил простой ответ: «Это антигазпромская пропаганда» — всё совершенно понятно. Нашего руководителя, судя по всему, удалось убедить в том, что Россия действительно может переключать потоки газа с Запада на Восток и с Востока на Запад. Он это сказал публично несколько раз. Но ему совсем недавно объяснили: «У нас есть проект “Сила Сибири”, который уже начал строиться. По нему мы с китайцами договорились пускать 38 миллиардов кубометров. Но там же в проекте стоит 62 миллиарда кубометров, которые можно по этой трубе в Китай пустить. У нас есть сахалинская труба (Сахалин — Хабаровск — Владивосток), по которой ещё 30 миллиардов кубометров мы теоретически можем пустить из Сахалина в Китай. И мы готовы строить в Китай так называемый “западный маршрут” (он же “Алтай”, он же “Сила Сибири — 2”), по которому не 30 миллиардов, а 100 миллиардов готовы пустить в Китай. Посмотрите, насколько это будет больше, чем мы продаём в Европу». Тут уже не арифметическая, а такая странная проблема...

В «Газпроме» всем этим восточным проектам очень сильно сопротивлялись люди, которые отвечали за стратегию развития компании, во главе с Владой Вилориковной Русаковой, которая возглавляла стратегический отдел «Газпрома». Её благополучно выперли из компании, и она сейчас возглавляет стратегическое газовое направление в «Роснефти», у Сечина. Он у Путина лично просил, чтобы ему разрешили взять её на работу. Эти очень здравомыслящие экономисты говорят, что эти восточные проекты либо неосуществимы вообще по разным причинам, либо они коммерчески нерентабельны, это чистый убыток. У меня есть эти документы, я их посмотрел. В моём лэптопе даже есть экономическая часть ТЭО на «Силу Сибири». Там 26 вариантов этого проекта, каждый вариант рассчитан на три цены по нефти: 60\$, 75\$ и 90\$. Тот вариант, который они взяли, при вариантах всех цен... Есть табличка, где до 2048-го года просчитывается, сколько денег потрачено, сколько денег пришло, сколько продали, сколько заработали. Здоровые такие таблички. Внизу там есть две цифры — период окупаемости. Если считать период окупаемости по чистому доходу на вариант, который они избрали, то там будет 18,5 лет. Вроде красиво, потому что такой огромный проект должен окупиться... Инвестиции-то огромные. Но там есть вторая строчка — чистый дисконтированный доход. Если по дисконтированному считать, как правильнее, то будут другие деньги в 2048 году. Там написано: «Не окупается». Во всех вариантах написано, что не окупается. Это рублёвая табличка. По долларам это не окупается совсем всё.

Мовчан. Понятно, почему окупается недисконтированный...

Реплика. Цена на газ?..

Крутихин. Цена на газ там тоже есть. Но когда они считали всю эту цену на газ, получилось тоже очень забавно. Во-первых, они сосчитали, что часть газа они получают по дешевке у других добывающих компаний, в частности у «Роснефти», у «Сургутнефтегаза», у тех, кто в Западной Сибири и в Восточной Сибири добывает этот газ неподалёку от Чаяндинского месторождения. Потому что у «Газпрома» добыть 1/1000 кубометра с Чаяндинского месторождения... там разные показатели: от 3 600 до 6 100 рублей (себестоимость этого газа). Они объявили в своём ТЭО, что будут покупать газ у этих производителей (им всё равно его некуда девать) по 2 400 рублей. Они согласятся, потому что им его либо в факелах сжигать, либо штраф за него платить. Когда мы смешаем их газ с нашим газом, на входе в трубопровод будет 3 300 рублей. Пока мы его догоним до границы с Китаем, то, если китайцы будут платить 300\$ за 1 000 кубометров, мы сведём концы с концами. А тут уже возникает другое: какие документы подписаны с китайцами? Потому что, когда подписывался замечательный шанхайский контракт о том, что 38 миллиардов кубометров газа в год будет идти через границу по этому газопроводу, там получилось очень смешно. Я сидел в Москве в студии китайского телевидения, и они ждали, когда подпишут всё это хозяйство. Они хотели у меня какое-то мнение спросить. За 20 минут до подписания документ назывался меморандумом о взаимопонимании. Сейчас компанией «Газпром экспорт» командует госпожа Бурмистрова — кстати, тоже филолог по образованию, — которая, по рассказам газпромцев, сделала бурную карьеру и стала руководить этим важным направлением в работе «Газпрома» только потому, что она смогла уговорить китайцев назвать меморандум контрактом, так как Владимиру Владимировичу это будет приятно. Он как раз был в Шанхае, и за такие заслуги её повысили до... Это фактически не контракт. Базовой цены там нет вообще. Но ещё за год до этого подписали несколько соглашений, где определили, что цена будет индексироваться на основе цены нефтепродуктов, нефти и так далее. Кто мог предвидеть, что нефть возьмёт и так обрушится? Когда нефть стала потихонечку сползать, когда показатель этой формулы опустился ниже 300\$, в «Газпроме» была паника: там публика бегала по коридорам, они говорили, что прогорают, что это проект никуда не идёт, уже цена будет меньше для китайцев. А сейчас там цена опустилась. Она настолько смешная — там где-то 240-250\$. То есть проект, конечно, вообще никуда не идет. Но с этими проектами возникла другая проблема.

Вопрос. Вы можете вернуться? Вы стали говорить, что можно будет у других производителей [нрзб]... Так вот, а с этим есть проблема?

Крутихин. Есть, есть проблема. Я сначала хочу большую проблему показать. Потому что дальше — там уже «Роснефть» стала взбухать. Это на будущее, когда они будут газ покупать. Они сказали: «Ребята, а чего мы вам будем газ продавать? Дайте нам вашу монополию, разрушаем на экспорт и сами будем газ в вашей трубе в Китай отправлять». Это уже извечный спор между теми, кто добывает газ за пределами «Газпрома», и самим «Газпромом». Потом отдельно я могу рассказать про этот спор.

Возникает другая ситуация с этой «Силой Сибири». Ну, приняли инвестиционное решение, начали вроде даже строить. Китайцы сказали: «Мы со своей стороны тоже что-то такое построим». И вдруг выяснилось, что китайцы не дают денег на то, чтобы профинансировать этот проект. Там же в Шанхае было объявлено: «Китайцы нам дадут 25 миллиардов долларов. Всего это стоит 55 миллиардов». Там не 55, там больше 70

миллиардов долларов стоит этот проект. По некоторым подсчетам, я считал-считал, у меня даже 100 миллиардов получалось в некоторых вариантах.

Китайцы нам дадут... Китайцы сказали: «Мы ничего вам не дадим». Это первое. Выяснилось, что у проекта не хватает финансирования. Путин был вынужден месяц тому назад выступить и сказать: «Я призываю федеральное правительство и администрации наших территориальных образований каким-то образом помочь финансово: то ли налоговыми льготами, то ли еще чем-то, чтобы проект все-таки двигался вперед». Ему очень хочется, чтобы этот проект двигался вперед.

Дальше бы возникли другие проблемы. Во-первых, стали срывать все сроки. Стало понятно, что в 2018 году на границу с Китаем не удастся вывести даже те 4,5 миллиарда кубометров в год, которые планировалось первоначально. А потом, через 10 лет, собирались довести до 30 по вот этому ТЭО. Выяснилось, что не будет газа на границе в 2018 году. Сначала объявили: «Ладно, 2019 год. Мы договорились с китайцами». В прошлом месяце объявляют 2021 год. Но фактически — это никогда. То есть когда вот так идет и когда нет денег, то это, скорее всего, — никакого газа по этой трубе не будет.

Возникли геологические проблемы с разработкой месторождений. Там тоже сначала надо нефть разрабатывать, потому что, если оставить нефть в земле и брать газ, упадет давление и нефть там останется навсегда. Вот надо сначала нефть, потом газ. Эта технологическая схема очень строгая.

Попытались в «Газпроме» спасти лицо перед Путиным. Ему же обещали на Восток отправлять много-много газа. Говорят: «Мы с китайцами сейчас возобновим переговоры по западному маршруту». Что это такое? Это труба, которая может пройти из уже имеющихся промыслов на севере Западной Сибири, откуда фактически идет весь комплекс труб в Европу. Они сказали: «И мы сейчас проложим до Алтая, через Алтай. Там идет маленькая труба, уже почти подходит к границе. И между Монголией и Казахстаном есть отрезочек границы, и мы там в Китае врежемся этой самой трубой».

Китайцы уже много раз отказывались вести переговоры по этому западному маршруту. Теперь это у нас называется «Сила Сибири — 2». Не так давно приехал вице-премьер Китая, и ему сказали: «Вот мы хотим возобновить с вами». Он говорит: «Да, очень хорошо. Будем возобновлять переговоры по этой вашей “Силе Сибири — 2. Но то, что денег мы вам не дадим, — это совершенно точно. Вот вы приведете газ на границу с Китаем. Вы знаете, что там пустыня Гоби и вообще там народ не живет. И для того, чтобы кто-то там потреблял газ, нужно построить еще трубу примерно 3 тысячи километров до промышленно развитых районов на востоке Китая. Мы можем строить такие трубы. Мы три трубы из Средней Азии построили. Сейчас четвертую трубу, на этот раз через Таджикистан, тянем в Китай. Запросто! Мы ее построим. Но профинансировать ее придется вам».

Мовчан. А мы можем ее через Казахстан провести?

Крутихин. Нет. А куда? Опять получится в пустыню.

Мовчан. Но вот в эту развязку?

Крутихин. Нет. Китайцы сразу сказали: «Нам только прямые связи. Не через Монголию, не через Казахстан, не через что мы не готовы получать. Это прямая между двумя. Никаких транзитов не должно быть». Это они уже давно говорили. То есть этот проект тоже медным тазом, конечно, накрывается.

Решили спасти положение: «Ой, у нас есть вариант. Пока тихо строим “Силу Сибири — 1”, мы пустим газ раньше с Сахалина по трубе, которую построили». А трубу там построили очень веселую: это Сахалин — Хабаровск — Владивосток. Когда-то было предложение от компании Shell, которая командовала проектом «Сахалин-2» в международном консорциуме. Она предложила «Газпрому»: «Давайте вы у нас теперь владелец контрольного пакета в “Сахалине-2”. Давайте мы объединим наши проекты — “Сахалин-3”, которым вы сейчас командуете, и “Сахалин-2”. Объединим газовые системы, инфраструктуры, все объединим. У нас будет много газа на все это хозяйство, и мы расширим мощность нашего завода по сжижению газа. Рынок есть, возможность расширить есть, есть покупатели, есть финансы, все есть». Ну, это там была своя авантюра.

«Газпром» послал вопрос в Москву, и из Москвы товарищ Путин сказал: «Нет. Нам нужен газопровод. Нам не нужны дополнительные мощности по сжижению. Будем строить». Кому нужен газопровод? Какой газопровод? Ну, взяли двух товарищей — Ротенберга и Зияда Манасира — и поручили им строить трубу. Они трубу построили. С одного конца пока нет газа. С другого конца нет никакого рынка. Потому что потребление во Владивостоке вот этого газа — 1 миллиард кубометров всего. Мощность трубы — 30 миллиардов кубометров. Хорошо, что они построили пока только одну компрессорную станцию из 14, которые должны стоять на этой трассе. То есть труба пустая.

Вроде бы ее можно задействовать, чтобы с Сахалина гнать газ китайцам. Там в районе Дальнереченска остается пара километров до китайской границы. Ну, во-первых, китайцы сказали: «Нам там газ совершенно не нужен. Мы там газ не добываем. А совершенно спокойно через сжиженный природный газ мы удовлетворяем эти районы. Нам там ничего не надо».

Второе. А откуда возьмется газ на Сахалине? Сейчас там идет перетягивание каната между «Сахалином-1» и «Сахалином-2». Наверное, уже читали о том, что консорциум, возглавляемый ExxonMobil и «Роснефтью», и консорциум во главе с нашим «Газпромом» и Shell — вот они, значит, там состязаются. Сейчас «Газпром» с Shell собираются строить третью очередь своего завода по сжижению газа на юге острова Сахалин. И обратились с просьбой к следующему консорциуму — консорциуму «Сахалин-1», к ExxonMobil. Говорят: «Давайте вы нам будете продавать излишки вашего газа по смешной цене, и тогда коммерчески у нас будет совершенно замечательное предприятие тут». А те сказали: «Фигушки. Во-первых, мы хотим сами построить свое предприятие по сжижению газа на 5 миллионов тонн в год, такое же, как ваша третья линия. А во-вторых — вы понимаете, лучше вы дайте нам возможность по вашей трубе гнать наш газ на юг острова, а там мы построим свой заводик, рядом с вашим». На что «Газпром» тоже сказал: «Нет».

«Роснефть» подала в суд. И первый суд «Газпром» выиграл. Он должен был выиграть, потому что труба, на которую претендует «Роснефть» с ExxonMobil, — она принадлежит не общероссийской сети газопроводов, куда можно было бы попроситься, поскольку тоже газ есть и его надо бы куда-то транспортировать. Эта труба принадлежит консорциуму,

который защищен дедушкиной оговоркой по двум российским законам. То есть это не общероссийская труба. Эта труба принадлежит вот этим частным компаниям. То есть консорциуму «Сахалин-2».

Россия — страна чудес. Следующий суд вдруг неожиданно вынес частичный вердикт в другую сторону. Сейчас они ждут третьего суда. Чем кончится, совершенно неизвестно.

Но проблема там даже еще и не в этом, а том, что главным перспективным источником газа на Сахалине является одно месторождение. Оно называется Южно-Кириновское месторождение. Есть такой Кириновский блок. В нем есть Кириновское месторождение, маленькое Мынгинское, там всего 21 миллиард кубометров, и большое месторождение Южно-Кириновское. Вроде бы все хорошо. В прошлом году, когда делали разведку, пробурили две скважины, определили, что там запасы газа, если еще немножко подразведать, будет примерно триллион кубометров. Это очень хорошее месторождение, которое долго может работать. Из таких месторождений отбирается 3% газа в год. Он может гнать тот газ бог знает куда и бог знает сколько.

Но возникла гигантская проблема технического характера. На месторождении нашли еще и нефть. И нефти много. Нефти там практически 470 миллионов тонн, то есть это почти полмиллиарда тонн нефти. Это большое, хорошее, солидное месторождение. И когда я смотрю на трехмерную схему резервуара этого месторождения, я вижу, что нефть окружает такой подковой газ. Идет такой черной подковой. Весь фокус в том, что эту нефть надо брать первой. Иначе она там останется. Столько нефти оставлять нельзя. Давление упадет, если начать добывать газ. И возникла гигантская проблема геологического характера.

Если просто добывать газ, то это можно сделать относительно легко путем использования подводных добычных комплексов. На дно моря ставятся блоки на скважины, которые там пробурены с каких-то плавучих судов, барж и так далее, и эти блоки фактически, как уже делается во многих местах планеты, даже на глубине моря 3 километра... Это делается в Мексиканском заливе. Этот газ совершенно спокойно можно отбирать, сепарировать, гнать на берег. С нефтью так не делают. Если газ утечет из какой-нибудь дырочки — это не очень страшно в океане. Но если потечет нефть на этой глубине, там ничего невозможно сделать. Это страшное дело. За такие вот подводные комплексы никто не берется. Значит, чтобы добывать нефть, надо ставить платформу. А такую платформу пока не делают, потому что там месторождение идет с 70 метров тихо до 320 метров глубины. Там ледовые поля. Если платформу, как на других месторождениях около Сахалина, — ее надо ставить стационарно, и она спокойно сопротивляется ледовому напору. «Моликпак», «Сокол», «Ястреб» — все эти платформы нормально работают.

В «Газпроме» попробовали схитрить и сказать: «Знаете, а может быть, это все-таки два разных резервуара. Ничего не случится, если мы сначала газ будем добывать». И дошли даже до каких-то геологов, которые стали говорить: «Это два разных резервуара. Давайте! Давайте!». Путин же сказал, что в 2018 году надо дать газ. Значит, мы сейчас дадим этот газ, и все нормально. А потом уже как-нибудь займемся нефтью. В этом году там бурят еще две скважины и, судя по всему, докажут либо то, либо другое.

Теперь, чтобы облегчить себе эту задачу и проигнорировать нефть, газпромовцы принесли эти цифры в Москву, в комиссию по запасам, где надо зарегистрировать

открытие, и сказали: «Мы регистрируем только 6 миллионов тонн нефти». Не полмиллиарда, а 6 миллионов тонн всего. Им говорят: «Хорошо. Зарегистрируем 6 миллионов тонн». Но данные-то открыты не только для «Газпрома». Они стали известны и дальше. Они стали известны американской администрации, которая сказала: «Ребята, мы сейчас выпускаем разъяснение к нашему списку санкций. Поскольку это не только газ (а газовые месторождения санкциям не подлежат), а поскольку это нефтегазовое месторождение — это раз. И второе — оно находится на глубине 320 метров, а у нас ограничения по этим самым футам. То есть оно глубоководное, оно нефтяное, оно подпадает под санкции. Точка». Значит, эти донные комплексы никто никогда им не поставит, потому что вот эти подводные добычные комплексы делают всего четыре компании — и все они либо в Норвегии, либо в Соединенных Штатах Америки. Больше никто их не делает. Это уникальные сооружения, нетипичные, то есть их надо делать под конкретную скважину, под конкретное месторождение. Это никого не обмануть, собрав в Китае какую-нибудь такую металлическую штучку.

Вопрос. А разве [нрзб] не делают?

Крутихин. Нет-нет. Вот четыре компании делают. FMC Technologies, которая норвежская. Но на самом деле все владельцы американцы. Это американская компания Cameron, GE Oil & Gas, американская компания, и Aker Solutions — это норвежская компания. Вот четыре компании. Больше никто не делает — ни японцы, ни китайцы, ни сингапурцы, никто.

То есть нет газа и нет возможности его достать — ни нефть, ни газ, по разным причинам. То есть газа не будет. И вся восточная программа «Газпрома» фактически захлебнулась, потому что «Газпром» даже принимал когда-то решение по строительству завода по сжижению газа во Владивостоке, несмотря на заведомо известную нерентабельность этого проекта. Сейчас, слава Богу, они забыли об этом проекте. Просто ничего там не делают. Не объявляли похороны, но сказали, что этот проект дальше не движется.

А как получилось, что все-таки были приняты инвестиционные решения по ним? Я должен об этом рассказать, чтобы вы поняли, как принимаются решения в газовой отрасли. Это произошло 23 октября 2012 года. Это было заседание президентской комиссии по ТЭК. Президент был председателем этого заседания. Он взял кучку бумажек со вступительным словом и начал читать это вступительное слово. Все это до сих пор есть в YouTube, на его президентском сайте — везде все это есть. И вдруг неожиданно для самого себя, не только для аудитории, он стал произносить вслух такие вещи, которые он никогда до этого не говорил.

Он сказал: «Вы знаете, существует сланцевая революция». А до этого его убеждали, что это голливудское кино, что это миф, никакой сланцевой революции нет и не может быть. Учтите, это 2012 год. Потом говорит: «Вы знаете, в Европе публика занята диверсификацией поставщиков, во-первых. Потом энергосбережением, энергоэффективностью, и, может быть, мы не сможем там продать столько газа, сколько мы рассчитывали в Европе продать». И опять с полным недоумением они читают то, что он никогда в жизни не видел и не читал. И потом говорит: «С точки зрения реализации сжиженного природного газа мы можем проиграть вот эту гонку. На сцену выходят такие

крупные игроки, как США, Канада и другие страны, и мы со своим сжиженным газом можем просто не успеть к этому шапочному разбору».

Я знаю, кто писал вот эти все строчки. Повестку дня этой сессии готовили в комиссии по ТЭК при правительстве — при другой комиссии — дворковичской. А там есть пул вполне здравых аналитиков — Татьяна Митрова, Григорьев, Маша Белова. Я спрашиваю Машу: «Маша, как ты воспринимала выступление?». Она смеется и говорит: «Когда Путин стал читать слова, которые я написала, это был большой-большой шок».

Я дуриком написал даже эдиториум насчет того, что «смотрите, руководство страны наконец проснулось, и поняло, и осознало, что происходит у нас в стране в газовой отрасли, и сейчас будут приняты какие-то решения — структурные решения — по какой-то оптимизации работы с газовым сектором, может быть, даже с “Газпромом” что-нибудь сделают наконец — как с противоестественной монополией».

Два дня спустя Путин вызвал Миллера, который не присутствовал на этом заседании, и дал ему указание ускорить принятие всех инвестиционных решений, которые затягивались четыре года подряд, по восточной программе. И в «Газпроме» были приняты все эти инвестиционные решения. Ему было сказано: «Мы должны доставить газ туда, не обращая внимания на все затраты! Мы должны туда выйти. Это политическая задача». Ну, под козырек и приняли эти решения.

Выяснилось, что все эти решения, кроме до сих пор тянущегося с грехом пополам проекта «Сила Сибири», все остальные никому там не нужны.

Теперь что получается у нас с Европой? Хорошо, если у Путина не получилось перекидывать рубильник и переключать потоки нефти с Европы на Азию, на Китай и обратно, как он ужасно хотел это сделать. Вдруг выясняется для него, что и с Европой дела обстоят неладно, что это единственный рынок, который остался у «Газпрома». Если нет природного сжиженного газа в нормальных объемах, если нет Китая, если внутри у нас стагнация на внутреннем рынке газа по совершенно разным причинам, то остается только единственная Европа. Значит, Европу надо холить, лелеять, пробиваться туда везде-везде, обхаживать клиентов, сражаться с конкурентами и так далее.

И вдруг выясняется, что проект «Южный поток», на который было возложено столько надежд, — его нельзя построить. Хорошо. Строят в России. Там 27 миллиардов долларов полная стоимость вот этого так называемого южного коридора, который приятель Владимира Владимировича Путина строит в России — и до сих пор, кстати. Строит в России, чтобы подвести газ к Черному морю и оттуда тянуть его дальше в Южную Европу.

Выяснилось, что все эти деньги потрачены напрасно, что в течение года платили за аренду двух трубоукладочных судов (один из них — второй по размеру в мире плавучий кран), которые торчали на рейде. Одно маленькое судно у причала, второе на рейде в Бургасе в Болгарии без всякого движения. Это больше 300 миллионов евро потратили только на то, чтобы держать эти суда ничего не делающими. Закупили трубы, положили их в Болгарии на берег. Эти трубы до сих пор лежат, чтобы строить эту всю подводную часть. И вдруг выясняется: «А как же мы не подумали, куда это все придет, потому что в Европе не готовы принять? Что мы делали-то, ребят?».

Ну, хорошо — обогатились Ротенберг с приятелями, которые строили все это внутри России. Все так и задумывалось. Но там-то что делать? Потому что задача была такая: мы договариваемся отдельно с каждой из этих стран, строим с ними внутри них все эти участки, потом соединяемся через границу — и будет все замечательно. В Европу, в Еврокомиссию мы даже не пойдем просить разрешение на то, чтобы рассматривать это как единый трансграничный проект внутри Европы. Европейцы говорят: «К нам даже не пришли за разрешением! Что это вообще за наглый такой вызов! Во-первых, у нас есть третий пакет, который запрещает подобные фокусы. Да еще и контролировать одной-единственной компанией, которая и добывает газ, и продает газ, и транспортирует газ, да еще и оператор каких-то распределительных сетей!». Это нельзя. Нужно разделять все эти функции во имя свободного рынка и конкуренции. Вполне законное требование. Это был страшный удар для Путина.

Кода 1 декабря прошлого года он объявил: «Ребята, мы закрываем проект “Южный поток”, потому что эти гады нам не дают... Раз они такие вредные, мы принимаем новую стратегию работы “Газпрома”. Мы будем доставлять газ до границы Евросоюза, а дальше пусть как хотят — так его и забирают. Первый шаг, который мы делаем, мы, вместо “Южного потока”. Будем строить “Турецкий поток”!». В шоке Турция, в шоке «Газпром».

Мне говорят, что Миллер мог знать об этом решении. Я даже не верю. Наверное, и Миллер об этом не знал. Я помню, в каком шоке были сотрудники «Газпрома», которые бегали по коридорам и говорили: «Ребят, а что делать-то будем? Куда трубу прокладывать? У нас уже проведены инженерные изыскания по дну моря, мы хотим все это хозяйство вывести в Болгарию. Теперь нам говорят, что Болгария закрыта. Теперь Турция какая-то. Напрямую поведем или от болгарского участка будем поворачивать в Турцию. Что дальше?».

Показуха была страшная. Полетели Миллер, наш министр энергетики вместе с турками на вертолете смотреть трассу по турецкой территории, Фракию — европейскую часть Турции. Через нее мы бросим такую трубу и на границе с Грецией будем сдавать газ в какой-то хаб. Из этого хаба Европа будет его забирать.

Ладно. Турки обрадовались: «Как хорошо. Мы будем тут командовать каким-то хабом, будем распределять, как немцы делают с “Северным потоком”, тут мы будем всю!».

А потом началась какая-то странная история. Начался Санкт-Петербургский экономический форум, на котором стали обхаживать греков. И грекам сказали: «Вот эти хабы мы построим на вашей территории. Мы вам дадим 2,2 миллиарда евро на то, чтобы построить хаб, и еще вам оборудуем подземное хранилище газа. Будет так хорошо! Из Турции получаете газ — и тут вы его дальше будете распределять».

Когда об этом узнали турки, я как раз был в Стамбуле с турецкими чиновниками, они говорят: «Вы что, с ума сошли? Что вы делаете-то. Мы рассчитывали, что хаб будет наш, а теперь мы будем транзитерами и будем отправлять грекам для какого-то хаба российский газ? Мы так не играем. Это совершенно, абсолютно исключено. Мы не готовы».

И тут появляются вот эти два «Газпрома». У нас есть один «Газпром», который делает всякие заявления, — начальственный. Есть второй «Газпром», который реально работает. Вот реально работающий «Газпром» стал все это сворачивать. То есть не вести никакой работы по этому «Турецкому потоку». А начальники, то есть министры энергетики, газпромовские начальники и сам Путин: «У нас затормозились дела только потому, что в Турции такой парламентский, правительственный кризис, они никак не могут решить, с кем будем подписывать межправительственное соглашение». Но, во-первых, это межправительственное соглашение вообще никому не нужно. Две компании договариваются, строят и совершенно спокойно получают у властей разрешение на все эти вещи — и строят трубу. Зачем это и кому нужно? Это пустая отговорка.

Затем: «Наша версия межправительственного соглашения рассчитана как минимум на две нитки». Раньше планировали 4 нитки бросить — 63 миллиарда кубометров в год. Пусть будет только 2 нитки. Но у турок вариант этого соглашения только на одну нитку. Ну ладно. Турки сказали: «Если хотите — постройте, и мы переключим с Украины 14 миллиардов кубометров на вот эту вашу черноморскую нитку и будем получать для себя для своих нужд по одной нитке вот это...». Нет. Нашим же нужно в Европу влезть со своей трубой! Нет, мы еще вторую нитку проложим! Мы уже придумали — этот газ будет забирать трубопровод «Тесла». Хорошо. «Тесла», конечно, красивое название для газопровода.

Наши («Газпром») подкатились под Сербию и Македонию и сказали: «Давайте. Мы вам оплатим». Они: «Ой, как хорошо!» Но труба-то опять пересекает несколько границ, значит, опять пошлют в Еврокомиссию. В Еврокомиссии пока никто не согласился, и, я боюсь, там еще года три будут мурыжить этот проект. То есть там все затихло.

Чтобы хоть как-то спасти положение, потому что вся задача «Северного» и «Южного потока» была одна, — схема работы такая. У Путина появляется политическая задача. В данном случае — наказать Украину. По разным причинам ему не нравится, что там происходит. Наказать Украину лишением транзита, убийством этой рыночной ниши для «Газпрома». К нему приходят ребята, которые строят трубопроводы, и говорят: «О! Замечательная идея! Мы вам построим прекрасную трубу! С севера, с юга обхватываем Украину, обходим ее, замыкаем все это в Австрии в Баумгартене, и Украина вообще остается без газа — смотрите, как красиво!». Путин говорит: «Расходов не жалеть! Патронов не жалеть!». Построили одну — «Северный поток». Проложили две нитки. И решили спасти положение, построив еще и второй «Северный поток». На тех же самых условиях, на которых строили и первый. И самое забавное, я думаю, что его в конце концов могут даже и построить. Украину полностью обойти не удастся. Поскольку если не будет с юга этого «Южного», «Турецкого», как хотите называйте, то часть клиентов «Газпрома» (это балканские страны, Италия, Греция) все равно должны будут получать через Украину, потому что Украину просто не обойти без этих труб. И Путин это понимает. Он недавно объявил, что даже после 2019 года, когда у нас с Украиной закончится транспортный контракт, мы будем возобновлять переговоры и будем договариваться о новых условиях транзита. Приходится все-таки с Украиной каким-то образом считаться.

Теперь возникает это: а что такое первый «Северный поток», второй «Северный поток»? Почему вдруг иностранные компании так охотно согласились сформировать партнерство, консорциум с «Газпромом» и вложить деньги в строительство вот этой трассы,

которая, в принципе, не очень нужна? Потому что на протяжении последних четырех лет нетто-импорт газа в Европе падал. Несмотря на то, что падает собственная добыча. Они закупали еще меньше. Что дальше будет — непонятно. Но пока все это сокращается. И вдруг они договариваются с «Газпромом», чтобы построить еще одну трубу.

Давайте посмотрим: кому выгодно, кому невыгодно? Значит, что за условия? Хорошо — они вкладывают деньги. Трубу строить относительно легко, они уже имеют там коридор, они первые две трубы проложили. Если договорятся с балтийскими странами, там все сделают. Самая главная суть вот этого сотрудничества с иностранцами — это финансовое соглашение вот по этому консорциуму. Деньги вкладываются, и они будут гарантированно возвращены в нужные сроки по хорошему расписанию, да еще и с очень хорошей прибылью. Почему? По финансовому соглашению, такому, как до первого «Северного потока», и точно такому же, которое было заключено и по провалившемуся «Южному потоку». Вот этот консорциум, где 51% — дочка «Газпрома» и 49% — иностранные партнеры, — он компенсирует свои затраты в виде тарифов на прокачку газа. Причем тарифы эти регулярно идут вне зависимости от того, есть там физически газ или его нет. То есть тарифы идут по объему трубы, по вот этому проектному номинальному объему. Есть 55 миллиардов кубометров, вот платит «Газпром» за транспортировку 55 миллиардов кубометров.

Вопрос. Вне зависимости от стоимости газа?

Крутихин. Ничего не зависимо. То есть абсолютно. Причем по очень хорошей высокой ставке. Если через Украину в Европу прокачать газ стоит 33 доллара за 1 тысячу кубометров, то по «Северному потоку» это 43. То есть все равно вот это все платится.

А дальше мы видим, что иностранцы с удовольствием вложили деньги, подрядчик построил им эту трубу, и они, в общем-то, стригут купоны, в масле как сыр катаются. Дочерняя компания «Газпрома», участник этого консорциума, которая зарегистрирована в Швейцарии, — она тоже получает эти деньги от «Газпром экспорта» за транспортировку во многом не существующего газа. Эти деньги не возвращаются в Россию, с них не платится никаких налогов. А в Швейцарии есть какая-то перекрестная система владения газпромовскими дочками. Эти деньги — они просто куда-то там расходуются, и никто не знает, куда. Проследить это совершенно невозможно. То есть есть какая-то группа в «Газпроме», которой это выгодно, есть группа иностранных инвесторов, которым это выгодно. Есть Германия, которой это выгодно, и она получает на своей территории фактически распределение российского газа.

«Газпром» в проигрыше. Во-первых, это коммерческий каннибализм, когда по одной трубе идет газ по долгосрочным контрактам, с одними условиями, и там же идет на спотовый рынок, который подрывает позиции вот этого долгосрочного поставщика. То есть «Газпрому» это тоже невыгодно. Поскольку у «Газпрома» есть такие же финансовые соглашения, например, со Словакией. Через Словакию не идет практически никакого газа дальше в Европу. Но «Газпром» платит Словакии за транспортировку российского газа по объему трубы — 150 миллионов долларов идет еще и Словакии. То есть «Газпром» теряет-теряет-теряет, российский бюджет теряет-теряет-теряет. Это абсолютно невыгодный для России проект.

Сейчас газпромовцы, я считаю, молодцы, придумали, как обойти третий энергетический пакет, который им мешает быть монополистом на всей этой цепочке реализации газа. Не знаю, осуществится ли это предложение, потому что есть противники, есть сторонники. Давайте мы будем этот газ продавать не когда мы его поставим в Европу по этой трубе, как в Германии, а давайте его продавать на полдороге в Балтийском море. Будем считать, что это виртуальный хаб. И вот покупатели газа будут его покупать там. И когда газ придет в Европу, он уже будет принадлежать европейским, немецким, датским и каким угодно трейдерам. Не будет работать ни одна из этих норм третьего энергетического пакета, потому что это уже не монополия «Газпрома», и все проблемы по транспортировке и по всему снизятся.

Я считаю, что, может быть, европейцы согласятся на это, и, в общем-то, могут, могут... Сейчас говорят, что Польша может быть против, прибалтийские государства могут быть против. Я вспоминаю, как развивалась история с первым «Северным потоком». Я встречался с деятелем шведского правительства. Говорили: «Ребят, вы же, наверное, не дадите разрешение на строительство “Северного потока” через вашу экономическую зону, потому что, во-первых, вы ужасно боитесь российских подлодок, экологии и еще чего-то, уже разворачиваются протесты против того, что русские уже у берегов Швеции что-то такое укладывают на дно». Он говорит: «Подожди-подожди-подожди!». Через два или три дня принимается мгновенное решение дать согласие на строительство. Я опять к нему, говорю: «Слушай, в чем дело, что происходит, почему вы разрешили?». Он говорит: «Ты понимаешь в чем дело. У нас есть наше промышленное лобби. Очень хорошее промышленное и финансовое лобби, которое фактически и пропихивает такие решения. И оно настолько тесно срослось с немецкими коллегами в Германии, что решения, выгодные германским компаниям, они очень легко пропихнули и через Стокгольм».

Я думаю, что если это будет выгодно этим компаниям, то все будет в порядке.

Я помню, у меня один знакомый рассказывал про фрау Меркель, которая сначала была категорически против «Северного потока», даже первого. И было совещание в ее офисе с руководителями энергетических компаний Германии. И вот после совещания она вышла... Это мне рассказывал человек, который слышал эти ее слова, когда она вышла. Она сказала: «Без этих ребят я не могу управлять Германией» — и поменяла свое мнение на 180 градусов.

Вопрос. «Северный поток». Если первые две ветки нормально, выгодны, а почему еще третья-то невыгодна? Логика такая: продавали туда газ всегда стабильно — и теперь будем продавать еще больше через Германию.

Крутихин. Первое. Пока потребление не растет. Это раз.

Вопрос. Правильно понимаю технически, что можно было вниз продавать, там, через Австрию?

Крутихин. Далековато через Австрию туда продавать.

Вопрос. Нормально транспортировка... это такой не оптимальный вариант, но, грубо говоря, ты платишь больше, но получаешь...

Крутихин. Все просчитывается. Но я не уверен, что итальянцы будут покупать газ этим окольным путем через Баумгартен.

Вопрос. Тут вопрос цены?

Крутихин. И вопрос цены, и вопрос транспортировки. Когда шли переговоры с Великобританией, они говорят: «Мы одну нитку из этого “Северного потока” протянем точно до Британских островов, нормально все будет». Британцы сказали: «Вы знаете, мы сейчас, когда покупаем якобы российский газ, там нет даже двух молекул российского газа в газе, который у нас по трубе поступает». Потому что расстояние, если от Ямала до Баумгартена, — это 5070 км, и еще тянуть до Британских островов... они говорят: «Нам это абсолютно невыгодно». По дороге это все сожрут. Там ведь компрессоры должны работать, там есть утечка, усушка, утруска и все остальное. Расходы на транспортировку газа — они будут нам совершенно невыгодны. Тот газ, который «Газпром» говорит, что он продает на Британских островах, — это газ, который газпромовские трейдеры, «Газпром маркетинг и трейдинг», покупает у других производителей газа и просто занимается нормальными спекулятивными операциями — очень хорошими, замечательными. То же самое они в Индии делают и в других местах. Это все нормально. Смысла нет это все тянуть туда.

Вопрос. У меня вопрос был: а чем плох этот третий «Северный поток»?

Крутихин. Дело в том, что с гигантским трудом сейчас удалось хотя бы на 75% заполнить первые две ветки. Нет спроса на этот газ! Проложат эти трубы, а в них может газа вообще не оказаться! Там нет газа.

Реплика. Access capacity, а тариф стабильный.

Крутихин. А тариф будет стабильный.

Я в мае разговаривал с новым руководителем Wintershall. Очень я хвалю всегда эту компанию за то, что она очень мудро повела себя с «Газпромом», они единственные иностранцы, которые смогли наладить добычу газа на газпромовском проекте в России путем обмена активами — в Европе они кое-какие активы дали «Газпрому». Я говорю: это вы замечательно всё и на будущее хорошо работаете, но вы мне скажите — «Газпром» сейчас потихоньку перестает настаивать на своих требованиях; он говорит: «О, в Европе очень много рассуждают о зависимости от российских поставок, но все время говорят про газ от российских энергопоставок. Никто не говорит про нефть, хотя там тоже треть нефти идет из России, никто не говорит про уголь, хотя треть угля тоже из России поступает. Никаких претензий нет!». Это потому, что это обычный товар, который они могут в случае перебоев снабжения из России заменить другими поставщиками. С газом не получается. Та же Болгария 92% своего газа получает из России, 100% Финляндия получает, Словакия получает практически весь газ из России. То есть там заменить невозможно. И он говорит: «На месте “Газпрома” я бы помогал или за свой бы счет строил европейцам интерконнекторы через границы, пусть они солидарность себе обеспечивают, чтобы были альтернативные методы доставки. Новые терминалы по приему сжиженного природного газа». Вот когда не будет претензий, что они имеют только одного поставщика, вот тут «Газпром» окажется на своем месте и будет продавать газ гораздо дешевле, поскольку

трубы там у него уже на месте и все остальное, и он сможет состязаться со всеми остальными.

Реплика. Прямо противоположная стратегия.

Крутихин. Абсолютно противоположная стратегия! Теперь — что получается все-таки с «Газпромом»? Ладно, политическое оружие Кремля. Вы смотрите: когда «Газпром» стал меняться (тот, хороший «Газпром», промышленный «Газпром», не тот, который наверху заявления глупые делает, а тот, который работает)? В 2007 году вдруг Европейская комиссия ввела новые правила: ребята, у вас в контрактах — во многих контрактах многих стран — есть положение, которое запрещает реэкспорт газа. Это что же такое? Это, значит, вы мешаете нам — свободному рынку, конкуренции, всему остальному? Как это! Купили у вас газ — могут делать у него все что хотите. Это нелегитимно! «Газпром» сказал: «Хорошо, нам это не нравится, но мы не будем настаивать на том, чтобы выполнялся». Это был первый шаг к тому, чтобы «Газпром» принял какие-то требования Еврокомиссии и вообще европейцев. До сих пор включает в свои контракты этот пункт, но настаивает на нем только в случае виртуального реэкспорта. Это когда, например, на Украине или в Польше газ не доходит до границы, где он должен сдаваться через границу какому-то окончательно покупателю в Германии или в Словакии, а он по дороге отбирается, и украинцы или поляки платят немцам или еще кому-то за это. Он говорит: «Нет, мы должны довести газ до точки, где официально его сдают, а потом делайте с ним что хотите, возвращайте». Виртуальный экспорт не принимается. И, в общем, вполне законно.

Затем «Газпром» поставили перед очень неприятной ситуацией, когда в 2012 году по просьбе Литвы вдруг началось расследование в Еврокомиссии монопольных практик «Газпрома». Было изъятие документов из его дочек по всей Европе, из офисов европейских компаний — там следователи работали, работали. И в конце концов объявили: «Вы знаете, мы зарегистрировали эти случаи в вашей монопольной практике. И если подтвердится все это хозяйство, если мы не достигнем какого-то с вами решения, то штраф может составить 10% вашей годовой выручки». Это ой-ой-ой для компании, 10% годовой выручки для «Газпрома». В «Газпроме» тут же, не афишируя эти действия, побежали договариваться с европейцами, с комиссией, и начали очень серьезно снимать все обвинения пункт за пунктом. Очень серьезно! С тех пор, как началось это расследование, я могу сказать, что на сегодняшнее число — 65 случаев пересмотра контрактов с покупателями российского газа. Это «Газпром» выплатил во многих случаях миллиарды. Одной только Словакии — 1,4 миллиарда долларов компенсации за то, что газ был чересчур дорогой, по мнению покупателя. То есть каждый год «Газпром» 4 миллиарда долларов в бюджет закладывает, чтобы выплачивать компенсацию за то, что слишком много брал за свой газ.

Вопрос. Реэкспорт. Они как-то могут вообще enforced сделать? Они, по сути дела...

Крутихин. Польша прекратила виртуальный реэкспорт.

Вопрос. А реальный реэкспорт?

Крутихин. А реальный реэкспорт никто не может прекратить. Это «Газпрому» принадлежит. Этот газ в той же Словакии смешивается с газом из Австрии, из Норвегии, это необязательно российский газ, он там уже смешался, это чужой газ. Так что они могут

его реэкспортировать, куда хотят. Это не реэкспорт, это поставки газа. Только называются у нас «реэкспорт».

Ну вот, меняют условия контрактов, закрывают посреднические фирмы, которые занимались совершенно хамскими операциями. Например, в Болгарии были две фирмы, дочки «Газпрома», это «Газпром Германия» и «Овергаз», они получали по очень хорошей, низкой цене от «Газпром экспорта» газ, а потом втрое дороже перепродавали его болгарам. И по согласованию с «Булгаргазом» у них там была схема специальная. Всё это исчезло, теперь это напрямую продажи газа. «Газпром» уже сказал: «Всё, ребята, мы исправляем всю эту ситуацию, мы больше не политическое оружие». Все политические условия постарался «Газпром» подчистить за собой и сказать: «Ребята, всё». «Мы даже не настаиваем, — сказал “Газпром”, — на монопольной наценке». Действительно, если посмотреть на старую схему, то цены российского газа — чем дальше от границы России, тем они становились все ниже, независимо от дистанции, которую должен был газ пройти. Потому что эти ближние страны зависели от монопольного поставщика, и поэтому «Газпром» мог давать какую-то наценку на свою цену, чтобы пользоваться. Многие так делают, раз монополисты.

«Газпром» от этого стал отказываться. «Газпром» стал закрывать офисы своих посреднических контор, жульнических контор и т. д.

Вопрос. А при чем здесь политика? На самом деле просто...

Крутихин. Там была политика. Некоторым странам были скидки за дружеское расположение, некоторым странам, наоборот, — очень упорно наценки за то, что те не были... В Прибалтике были эти случаи, там были конфликты. Почему Литва возбудила больше всех? Были политические условия, из-за которых варьировались цены. Они говорят: «Мы вам дадим скидку только в том случае, если вы примете такие-то политические условия».

Вопрос. Литва самая шумная из всех?

Крутихин. Там много было всего веселого, Прибалтика — это отдельная очень забавная история. Дальше вдруг «Газпром» стал выступать как коммерческая организация, которая торгует своим газом, не настаивая на привязке цены к индексации по нефти, долгосрочным контрактам и т. д., то есть вести себя как нормальный абсолютно поставщик. Совсем недавно прошел первый аукцион российского газа...

Вопрос. А можно спросить? Объясните, пожалуйста: эта привязка к длинному... так привязываются к средней цене нефти за некий период, правильно? В чем здесь?.. Просто разный способ, трассинг? В каком-то рынке может быть лучше длинный контракт, в каком-то спот. Понятно, что когда спот падает, то лучше всем покупать по споту. Это не однозначно лучше длинного контракта.

Крутихин. Очень много играют традиции. Нет, это совершенно не обязательно. Длинные контракты останутся. Хотя бы для того, чтобы оправдывать строительство каких-то трубопроводных систем, это есть гарантия, гарантированные поставки на длительные годы. Они останутся. Но что происходит? В северо-западной Европе сейчас примерно 85% газа, который там реализуется, он индексируется по цене газа на распределительных хабах,

как на своеобразных биржах, где каждый день определяется цена. На юге Европы, средиземноморский бассейн, там всё наоборот, там только 15% идет с индексацией по цене хаба, а все остальное — долгосрочное. Уже даже традиция такая сложилась.

Вопрос. Спот дешевле сейчас, правильно?

Крутихин. Они примерно сравнялись сейчас. Сейчас если для Украины договорились на 247 долларов за 1000 кубометров, то сейчас где-то спот у нас 220-225 прыгает. Это несерьезно получается.

Реплика. Хорошо. Сейчас нефть упала, упадет еще, может быть, дальше. И может так получиться, что, соответственно, эти цены... им будет гораздо дешевле на споте.

Крутихин. Конечно. Но если привязываться к нефти — там лаг примерно 9 месяцев получается все равно.

Реплика. Как раз сейчас, к лету...

Крутихин. Вы покупатель, вы должны как-то ориентироваться. Но в любом случае сейчас «Газпром» уже выходит на рынок со своими хорошими объемами, которые он предлагает по выгодным ценам на аукционах.

Вопрос. Аукционы на спотовом рынке?

Крутихин. Да. А что такое аукцион? Это сейчас... он вынес 3 миллиарда кубометров газа. Купили один миллиард кубометров. Я даже не знаю кто, но сам факт того, что кто-то нашелся, кто купил 1 миллиард кубометров газа, — это уже даже хорошо, это значит — успех какой-то есть. Сейчас «Газпром» будет по 6 миллиардов кубометров лотами выставлять на аукцион. Мало того, «Газпром» ищет новых покупателей в Европе на свой газ по очень хорошим ценам, привязанным к ценам хаба. Там с индексами какими-то, но к ценам хаба именно. Я вам могу сказать, что я, например, участвую в одной из цепочек по просьбе газпромовских товарищей, сейчас ведем переговоры с одной из европейских компаний, которые могут купить у «Газпрома» с привязкой к хабу нормальный совершенно объем газа. На 5-10 лет будет хороший контракт. Пожалуйста, если вам газ нужен, я могу вам посодействовать, вывести вас на газпромовцев, они вам газ продадут как коммерческая компания, безо всяких политических условий, без привязки к цене нефти, без всего абсолютно. Пожалуйста, хаб есть у вас, ближайший к вам, вот вам хаб, вот цена его, daily price, после этого будет от этой daily price плюс маржа «Газпрома», не очень большая, и дальше берите этот газ.

Вопрос. То есть хаб становится аналогом биржи, там существует биржа и существует формула цены?

Крутихин. Да.

Вопрос. А кроме Великобритании где еще?..

Крутихин. У нас сейчас хаб под названием ТТФ, роттердамский хаб, он обогнал — по объемам, и по ликвидности, и по чёрну — обогнал великобританский хаб. Они сейчас два самых главных. Так у нас хабов очень много! В Италии, например, виртуальный хаб. Они понятия не имеют, где он находится, но он у них виртуальный. В Германии два хаба. Виртуальные. В Великобритании NBP, на западном побережье... я даже не знаю, он, похоже, тоже не локализован нигде.

Реплика. Потому что Gazprom Energy сидит в Манчестере.

Крутихин. Это тоже одна из компаний, которая очень хитро за «Газпром маркетинг и трейдинг», «Газпром Германией» и т. д. Кто из них кем владеет — там сам черт ногу сломит, там все замаскировано. Gazprom Energy — это одна из основных таких в цепочке.

Я могу еще долго. Давайте вопросы, потому что я что-то обязательно забыл!..

Вопрос. В этом смысле другие участники рынка — Армения, другие — они какие схемы используют?

Крутихин. И то, и другое есть везде. Раньше в основном в Европе применялись так называемые «корзины». Корзины нефтепродуктов, электроэнергии, стоимости угля, стоимости и газа в том числе. И эти корзины были все разные — для Великобритании одни, для Норвегии другие, для России была традиционная корзина, где 93% была стоимость нефтепродуктов. Причем они разделялись на летний мазут и зимний мазут, там такая была корзина. Первое, что началось для России, — это под давлением сначала итальянцев — потом и австрийцы подключились, немцы подключились — стали включать в эту формулу до 15% стоимость газа на хабе. И впервые в прошлом году подписали большой контракт с итальянцами о полностью привязке к цене газа, газ к газу на хабе. Был первый эксперимент, а дальше пошло, пошло... Но это не исчезнет никогда — и привязка к нефти, и долгосрочные контракты, это не исчезнет.

Вопрос. Можно приоткрыть в будущее окошечко? Вы сказали по поводу «Южного потока», «Северный поток» третий, скорее всего, не будет. А вообще, куда это идет глобально? Для тех, кто не погружен в детали, такой view.

Крутихин. Идет конкуренция. Европа — это для нас самая большая арена по газу, конечно. Идет конкуренция сейчас даже не с другими поставщиками трубопроводного газа. А другие поставщики — это Алжир, который по маленькому идет трубопроводу, это Норвегия, которая поставляет по целой серии трубопроводов газ. Там увеличивается добыча, но она не очень хорошие перспективы имеет. И сейчас потихоньку выходят США, которые, может быть, в начале следующего года первый терминал по отгрузке сжиженного газа Cheniere... там очень неплохие условия. И они могут конкурировать с «Газпромом» по цене.

Вопрос. По поводу американцев тогда вопрос. Там же американское федеральное правительство не дает разрешение на экспорт?

Крутихин. Мы путаем нефть и газ. Есть эмбарго на экспортные поставки нефти из Америки, есть свобода поставки нефтепродуктов — дизеля, например, в Европу. Сняли

запрет на поставку конденсата — очень-очень легких сортов нефти фактически. Но запрет на поставку нефти как таковой — он до сих пор не снят. Там вроде бы в Конгрессе комиссия что-то такое решила, но дальше это не пошло. Я думаю, что наложат вето на это всё. По газу пока полное разрешение получил только один проект. Все инстанции когда он прошел. Потому что DOE, минэнерго, выдало уже где-то 11 или 12 разрешений на поставки газа за пределы зоны свободной торговли. Ради бога! Но надо еще пройти как минимум две инстанции, чтобы окончательно получить возможность продавать газ за пределы зоны свободной торговли, в том числе в Европу, например, в Японию, Азию и т. д.

Реплика. То есть они защищают свой рынок.

Крутихин. Разрешения идут, но они на подходе. В течение года будет еще несколько разрешений.

Реплика. Там же лобби есть нефтехимическое...

Крутихин. Конечно. И очень серьезное, большое лобби. Есть и название у лобби, всё это есть. Но я думаю, что там есть такая вещь, как национальные интересы. Но сейчас национальные интересы, я думаю, как раз в пользу того, чтобы разрешить экспорт сжиженного природного газа более или менее свободно. Очень рекомендую: один мой хороший друг, Николай Иванов, написал книжку «Сланцевая Америка». У него там есть глава, посвященная перспективам того, будут давать разрешения или нет. Он ее назвал «Национальные интересы». Как выдавались такие разрешения, как все... Кстати, очень толковая книжка. Если кто-то интересуется вообще возможностями поставки газа из Америки на внешний рынок, то там очень серьезно всё это сделали.

Реплика. Просто это противоречит идеологии правительства Обамы, нацеленной на то, чтобы создавать производство на территории США, вытаскивать производство из Юго-Восточной Азии, из Китая.

Крутихин. Лишний есть уже газ, которым можно торговать по мировым ценам.

Реплика. Это неправильно. Лучше его переработать и продать.

Крутихин. Уже лишним становится.

Реплика. Конкуренция увеличивается, цена падает...

Крутихин. А цена сейчас вообще смешная — \$2,52 за миллион BTU.

Вопрос. Можно следующий вопрос? Сколько в среднем стоит транспортировка российского газа на 1 км или на 1000 км? Чтобы понять, насколько...

Крутихин. У нас где-то считается на 1000 км. Вот «Газпром» считает для экспортных поставок \$20.

Вопрос. На 1000 км?

Крутихин. 1000 кубов. Но это опять виртуальная цифра! Я думаю, что все-таки самое логичное решение сейчас для того, чтобы как-то вытащить нашу газовую отрасль, дать возможность развивать внутренний рынок газа, — это нужно сделать одну очень простую вещь. Даже необязательно лишать «Газпром» монополии на экспорт и пускать туда, скажем, Сечина, чтобы он свой газ куда-то экспортировал, или еще кто-то. Это хорошо, другие могут там воспользоваться, у нас есть компании, которые бы хотели этим воспользоваться. «Новатек» получил на сжиженный природный газ разрешение делать это совершенно свободно, но тот же «Лукойл» мог бы сделать, еще есть компании, которые этим делом занимаются. Можно, можно. Но самое главное — это я думаю, что все-таки нужно было бы из «Газпрома» выделить транспортную составляющую, сделать государственную компанию по образцу «Транснефти», которая для нефтяной отрасли работает (и, кстати, очень неплохо работает). Были нарекания, там много веселого с этой компанией, но она все-таки работает. И хорошо! И прибыльно. Эта транспортная составляющая — это бы решило очень многие проблемы. Во-первых, полная прозрачность тарифов. Потому что сейчас получается следующее: «Давайте в России установим рынок газа, будем газ продавать на биржах, то-се, и разрешим делать скидку на газ поставщикам, чтобы они пробивались на рынок». «Газпром» говорит: «Ой, как хорошо! Давайте 25% разрешим делать скидку на газ». Независимые взвыли, они говорят: «Ребята, если “Газпром” будет делать такую гигантскую скидку, он победит нас всех. Мы не можем с ним состязаться! Может быть, 15% еще куда ни шло (там сейчас такая драчка идет из-за этого), но, если он владелец труб, если он монополист, он нас задавит этими своими скидками». То есть рынка никакого не получится в условиях такого монополиста. И для того, чтобы в России был рынок, для того, чтобы были заинтересованы в газификации регионов и всё остальное, надо лишать «Газпром» возможности быть монополистом, может быть, и на экспорт, и в этой трубопроводной системе.

Я слушаю разные слухи из компаний — наших, и европейских, и американских, — они говорят: «В марте будет принято такое решение». Я говорю: «Ребята, я что-то не верю в это». Потому что для того, чтобы что-то решить по «Газпрому», это большая проблема.

Есть совершенно неправильное впечатление того, что у нас есть Сечин, есть Миллер, и они между собой конфликтуют, а товарищ Путин их аккуратненько держит в стороне, чтобы они очень сильно лбами не состыковались. Всё не так! Ну да, Сечину дали возможность командовать самой крупной нефтяной компанией, дали возможность диктовать кое-какие условия по нефтяному рынку, но Миллер ведь вообще никто, он почтальон! Есть управляющий у «Газпрома» — это Путин. Сечину приходится не с Миллером дела иметь, а приходится иметь дела с президентом Российской Федерации. Что делает Сечин? Он к каждому заседанию президентской комиссии по ТЭК готовится примерно 3 месяца. Вот где-то до конца года должно очередное заседание состояться. Лихорадочная активность с привлечением экспертов, сам работает до последней запятой. Предложения, которые он Путину сделает на этой комиссии, он вырабатывает, вырабатывает, приходит на эту комиссию, Путин на него строго поглядит, и он тушует и уходит в кусты. Вот маленький пример такой был: на одной комиссии он выступает после Путина и говорит: «Вы знаете, нам нужно, — это в феврале 2013 года было, — мы бы хотели разрушить монополию “Газпрома”, мы хотим экспортировать газ, может быть, сжиженный природный газ из Карского моря, где мы с ExxonMobil газ добудем...». Прерывает его Путин и говорит: «А куда вы его собираетесь?» — «Вот по Северному морскому пути в Азию мы собираемся его отправлять». — «Так там ведь только 3 месяца

можно работать, потому что все остальное время льдом закрыто. Вы туда ничего не отправите! Это вы на Европу нацелились, а там у нас “Газпром” в Европе работает. Вы там будете конкурентами!». Мгновенно Сечин уходит в кусты и говорит: «Да, может быть, мы на Дальнем Востоке, около Сахалина наладим какой-то экспорт газа?» — «Нет, Сахалин можем еще как-то посмотреть, — говорит ему на это Путин, — но всё равно — чтобы вы только не помешали там интересам “Газпрома”». И заткнулся Сечин! И так в точности на всех остальных заседаниях: когда он вылезал с какими-то инициативами, он затыкался, как только ему... Возможность повлиять на Путина по «Газпрому» — это тихо-тихо, нежно капать ему на лысину, чтобы постепенно до него дошло. Когда до Путина с гигантским трудом дошло, что никакого «Южного потока» не будет, что европейцы не пустят тебя туда, что бы ты там ни делал, это до него довели. Не Сечин, не Миллер, этот очковтиратель, это до него Андрей Белоусов довел, бывший министр экономического развития, который у него там служит в более-менее здравых экономических советниках, в отличие от Глазьева. И ему удалось тихо, нежно на протяжении длительного периода Путина убедить в том, что ничего у тебя не получится ни с каким «Южным потоком», что надо что-то другое делать. Вот если там какие-то здравые умы... это страшно трудно, очень трудно убедить в чем-то нашего президента.

Вопрос. Такой небольшой вопрос по поводу нефтегазовой лепты на сирийском кризисе в том числе.

Крутихин. Сначала про Сирию немножко. Сразу высказывались такие предположения, что мы влезли в Сирию, защищая интересы «Газпрома», которому не нужна конкуренция Катара и Ирана, а катарцы и иранцы якобы хотели через Сирию проложить газопровод в сторону Европы и конкурировать там... Даже не знаю, как сказать. Это не соответствует действительности. История с катарским и с иранским газопроводами — они никогда не пошли дальше каких-то выражений концепций: «Вот, ребята, может быть, нам интересно будет». Смотрите по Катару. Вот катарцы помогли начать вооруженные действия и гражданскую войну в Сирии, они там действительно заводили довольно серьезные. Это зачем им надо? Им надо строить газопровод через сирийскую территорию, и они поджигают эту территорию гражданской войной, чтобы не было возможности трубу прокладывать? Затем, куда они ее проложат? Через Турцию после Сирии? Стоп, Турция — это очень капризный покупатель! Она — три раунда переговоров с иранцами, а закончились полным нулем, потому что турки сказали иранцам: «Во-первых, если хотите в Европу свой газ пропихнуть, вы должны нам его продавать, туркам, по низкой цене, а мы уже будем как свой собственный поставлять в Европу». Иранцы говорят: «Нет». Иранцы закрыли все проекты поставок в Европу, сосредоточились на Кувейте, на Ираке и на Пакистане, куда они трубу до границы уже построили. В Европу иранцы с газом не выходят, ни с трубопроводным, ни с каким!

Теперь Катар. Хорошо, построят если они ее не в Турцию, где не очень удобно, представим себе, что в Сирии все спокойно, они построили трубу в Сирию на побережье Средиземного моря. Куда дальше? Они должны строить завод по сжижению газа. Зачем им там строить завод по сжижению газа, если у них в Катаре есть завод по сжижению газа? Никакого коммерческого смысла! Если расстояние до потребителя больше 2,5 тысяч морских миль, то сжиженный природный газ бьет трубопроводный по всем показателям! Они сами у себя сжижают и спокойно в любое место планеты доставляют. Нет смысла в катарском, в иранском газовом проекте, они лишены всяческого смысла!

Теперь по нефти и Сирии. В Сирии — там слухи, конечно, ходят, что у них 14 гигантских месторождений нашли в районе Хасаки и Дейр Эззора. Я три года в Сирии проработал — не было там такого, я думаю, что геологи меня поправят, потому что нет там никаких перспектив. Сирия по нефти играет очень маленькую роль. Мало того, даже лучше для нефтяного рынка, что в Сирии завязаны Иран, Саудовская Аравия. Они меньше внимания обращают на свой конфликт в Персидском заливе — танкерам спокойней ходить по Персидскому заливу, выходить оттуда на внешние рынки. Это больше стабильности в поставках, не нарушает нисколько ситуацию на нефтяном рынке, наоборот, помогает. Пусть они там дерутся, а здесь танкеры спокойно ходить будут. Так что на нефть никак сирийские события не влияют. Абсолютно.

Вопрос. А иранцы [нрзб] по газу [нрзб]?

Крутихин. Почему по газу иранские? Иранцы уже начали потихоньку свою нефть в нарушение санкций (они и раньше немного поставляли)... они увеличили уже сейчас. Они накопили, по разным подсчетам, от 30 до 70 миллионов баррелей. Но сколько они могут это держать? Немного у них в танкерах есть. Если на суше держать, то держать 1 баррель — это в месяц \$1 как минимум. Если за год они должны рассчитывать, что на \$12 повысится цена — и тогда они будут это продавать. Они уже потихоньку в нарушение продают. Вот когда наши руководители с одного конца сидели в комиссии из 6 членов, которая обсуждала ядерные проблемы, содействовали работе этой комиссии, с другого конца пытались всячески подорвать всё это, сначала пообещав Ирану новые партии оружия, пообещав новые ядерные реакторы, затем вдруг начали какую-то странную сделку: ребята, мы тут хотим нарушить санкции, покупать иранскую нефть и перепродавать ее дальше как российскую, и занято этим будет ФГУП, государственное предприятие. Мы его называть не будем, оно втихаря будет действовать. Объявить такое хамское нарушение санкций против Ирана, пока там идут переговоры, — что это такое! Понятно, что Россия тут в роли спойлера хотела бы поучаствовать в этой всей схеме, но не получилось. Там привлекли... и товарищ Обама личную благодарность Путину сказал за то, что тот конструктивную позицию в решении иранской проблемы занял. Подмазали маслом, потому что Россия там ничего не делала, она сидела за столом переговоров, надувая щеки. Потому что интересы России были, наоборот, — не выпускать Иран на арену торговли нефтью, чтобы цены были чуть повыше хотя бы.

Вопрос. Что вообще с ценами? [нрзб] сказал, что 10-20 возможно краткосрочно.

Крутихин. Цены по нефти — это последнее дело предсказывать, это понятно. Но я думаю, что сейчас есть целая куча всяких факторов, которые говорят о том, что, во-первых, сохранится низкий коридор. Сохранится долго. Когда-то в нашей компании мы подсчитывали, делали расчет примерно года на два вперед. Все факторы старались учитывать. Но потом на одной замечательной конференции я вдруг сижу, и рядом довольно солидный человек начинает какие-то графики показывать в слайдах, и у него этот коридор идет до 2025 года. Я говорю: «Как это, на следующие 10 лет?» — «Да». И начал мне объяснять, как и что, и довольно убедительно показал, что как минимум до 2025 года останется коридор, у него там было 50 — средняя линия по Brent — и, естественно, там скачки самые разные под воздействием самых разных обстоятельств. Но я-то считал вообще 45, а дальше эти скачки возможны. Высокие, низкие скачки, они возможны. Но решать это

возвращение к медиане будет американский сланцевый производитель. Вот они будут решать всё.

Вопрос. Я хотел бы задать такой вопрос. Как вы оцениваете инвестиционный потенциал нефти блокового залегания на севере Канады на сегодняшний день и через два года?

Крутихин. Я сразу скажу: я не знаю эту проблему, не занимался никогда. Вот в России даже по отдельным месторождениям могу что-то сказать. А там просто не занимался.

Вопрос. А как можно про нефтяную сланцевую нефть в Америке? У меня любимые российские аналитики — и еще есть любимый зарубежный аналитик, они показывают такой график. В Америке есть counties, графства, и он говорит следующую вещь: что сланцевый газ — там молекула метана очень маленькая, а молекула даже самой легкой нефти в десятки раз больше, поэтому проблему с проницаемостью решить гораздо сложнее. И он показывает, как в Америке есть три этих региона, и есть [нрзб], и даже сейчас есть 9 counties, такие точки на карте, где сейчас сосредоточена добыча нефти. В отличие от газа, где действительно произошла сланцевая революция, там огромные объемы, нефть до сих пор остается достаточно ограниченным применением. И он считает, что вообще нужно было Саудовской Аравии дать Америке в течение нескольких лет выработать эти sweet spots, и потом... может быть, они сейчас и являются [нрзб], но через 25 лет уже это...

Крутихин. Я думаю, что еще дело затянется, потому что по сланцевому газу в Америке — если есть месторождение сланцевого газа, требующее этой технологии, естественно, где нет нефти, вообще жидкостей никаких нет, это чистый метан, вот они коммерчески нерентабельны. Газ настолько дешевый, что просто его добывать, используя все эти методы, невозможно. Компании, которые добывают, — они могут покрывать свои расходы, только если они добывают не только газ, но еще и liquids. Во многих местах. Фактически те проекты, где один метан, — их прикрывают довольно быстро. Они добывают себе нефть, конденсат, все остальное, что жидкое идет, а газ у них как бы побочный продукт получается. И тогда окупается. Так же, как в Омане, они добывают нефть и хорошо экспортируют. А вот газ, который выходит вместе с нефтью, — они его отчасти сжижают и экспортируют. Это вообще, они считают, приварок к нефтяному нашему бизнесу. Потому что он сам по себе нерентабелен, сланцевый.

Вопрос. А сланцевая нефть?

Крутихин. Ой, там даже 300 метров есть, такая глубина.

Вопрос. А что-то типа баженовской свиты российской?

Крутихин. Такого нет. Они не разрабатывают такие большие глубины.

Вопрос. А у нас сланцевая нефть именно там?

Крутихин. У нас то, что называется сланцевой нефтью, — это называется трудноизвлекаемые, tight oil, фактически. Потому что сами по себе сланцы, что похожи на

американские сланцы, — их очень немного. У нас в Оренбургской губернии есть такие типично американские залежи. Немного есть в Западной Сибири, но совсем немного.

Реплика. А американских технологий у нас нет.

Крутихин. Почему? Мы ведь используем все эти технологи, самое интересное! На других породах, необязательно на сланцевых породах, мы делаем эти трещины. В России тысячи операций по гидроразрыву пласта делаются. «Газпром» вдруг объявил: «Вы посмотрите, как нарушают экологию на Украине, они там рядом с нашей границей пытались — иностранцы — учинить гидроразрыв пласта». Марковское месторождение — «Газпром» докладывает на следующий день: «Мы сделали операцию гидроразрыва пласта». Ну что это такое!

Вопрос. Получается, что у американцев сильно дешевле за счет чего? Если у них низкая себестоимость... либо условия более?..

Крутихин. Налоговые условия, да. Очень хорошие налоговые условия, лучше наших. В чем дело еще с нашими налогами? Во-первых, у нас налоги берутся с оборота нефтяников, а не с прибыли. Есть предложения перейти на какую-то формулу хотя бы частично, чтобы нефтяники, вкладывающие деньги... Он начал добывать нефть, нефть у него первая пошла, а окупится еще лет через семь, а он уже налоги платит по полной с этой нефти, с оборота он уже платит. А если бы это было после окупаемости, вот он со своей прибыли начинал платить, как это в нормальных странах делается... Это первое: совершенно неэффективная налоговая система. Вот споры сейчас идут, это вы увидите в печати, потому что все время из-за этой системы идут споры.

Второе: за последние три года сколько раз у нас налоговые правила в нефтегазе менялись? 22 раза. То есть как инвестор приходит — и как он может быть уверен? У него проект, который должен окупаться через 12-15 лет, а то и 25 лет! Он не может быть уверен, что он его окупит, если будут меняться каждый день налоговые правила. Существует механизм, который в таких дурацких странах, где всё очень быстро меняется и непредсказуемо, дает гарантию инвестору стабильности налоговых условий. Это называется соглашение о разделе продукции. У нас есть закон «О соглашениях о разделе продукции». Есть три проекта, которые работают, — это «Сахалин-1», «Сахалин-2» и Харьяга в Тимано-Печорской провинции на севере европейской части. И они успешные, они дают замечательные прибыли России, местному бюджету, федеральному и т. д., прекрасно работают. На одном «Газпром» работает, на другом «Роснефть» работает. Так что, когда Путин говорит, что это варварские методы, это предательство национальных интересов, получается, что он «Газпром» упрекает в предательстве национальных интересов? Ваше же дело! Если вы договариваетесь с инвестором, что на протяжении вашего проекта будут следующие налоговые условия, договоритесь так, чтобы России было выгодно! Кто вам мешает заранее определить эти налоговые условия, чтобы они были стабильные на протяжении работы всего контракта? Но нет, у нас загнан фактически, запрещен сейчас...

Вопрос. А можно задать вопрос: какая динамика будет внутри России на газ? С учетом того, что раньше мы хотели вывести на равноценность с экспортом. Как сейчас будет?

Крутихин. Когда Путин дал в октябре 2012 года указание до конца года подготовить новые варианты двух документов — это восточная программа «Газпрома» и генеральная схема развития газовой отрасли до 2030 года... До сих пор — как я говорил, указания Путина либо сдерживаются, либо игнорируются, либо саботируются — ни правительство, ни «Газпром» до сих пор с проектами этих документов никуда не вышли. Одна из больших проблем — это внутренний рынок газа. Как этот документ составлять, не понимая, что будет с ценами на газ? Была идея уже в 2011 году сравнить эффективность экспорта и эффективность внутренних продаж по этому показателю. Ничего — этого дела не получилось. Надо вводить рынок, чтобы были рыночные цены внутри России. Можно это сделать, но, как я уже сказал, нужно устранить монополию «Газпрома» на владение газотранспортной сетью, непрозрачность транспортных тарифов и т. д. Тогда все компании, которые добывают газ, смогут иметь доступ к любым потребителям и торговать своим газом, где они хотят.

Реплика. Фактически сейчас «Роснефть» получила очень многих клиентов по ТНК, лакомых клиентов, скажем так.

Крутихин. Были договоренности. Например, когда работала компания «Итера», частная компания, хорошо работала, ей отдали всю Свердловскую, всю Курганскую область, и «Газпром» сказал: «Черт с вами, вы будете свой газ поставлять и промышленным потребителям, и коммунальным хозяйствам, и жилфонду», — они все поставляли туда газ. Были договоренности. Это был не рынок фактически. У нас рынка нет внутри. Вот когда будет рынок, тогда мы узнаем, что за цена. Но без того, чтобы раскурочить «Газпром», никакого рынка не получится.

Реплика. Запустилась такая Санкт-Петербургская биржа.

Крутихин. Это смешно, это показуха чистая, невозможно. Вот сейчас идут... смотрите, Сечин говорит: «Вот я буду настаивать, чтобы на заседании президентской комиссии поставили вопрос о выделении транспортной составляющей в отдельную компанию». Его поддерживает Голомолзин, который заместитель Артемьева по ФАС. А Артемьев уже научен горьким опытом, он говорит: «Нет, мы на повестку дня такое предложение выносить от нашей конторы не собираемся». У него уже было, когда он в присутствии Путина сказал, что «Газпром» — его надо раскурочить, это государство в государстве, и Путин очень резко его одернул, сказал, чтобы больше такие слова вообще не говорили, забудьте вообще об этом. Это все было, пожалуйста, на экране. Его одернули, и больше он не вылезает.

Реплика. Путин — мне кажется, он за эффективность, если бы было хорошо в стране...

Крутихин. Насчет эффективности — это, наверное, не ко мне вопрос. Я могу привести для иллюстрации: где-то года два назад... знаете такого ведущего на РБК — Виттеля? Хороший человек, замечательный, хоть и называет себя коммунистом, но он веселый человек, из цирковой семьи. Игорь Станиславович. Он рассказывает: «Знаешь, раньше меня в Казахстан приглашали каждый год раза по четыре быть конферансье, ведущим, модератором на конференциях на разных, на съездах». Он это дело умеет делать. Говорит: «Деньги платили, всё, я был там желанным гостем. Но потом мы после какой-то

конференции собрались, там какие-то министры казахские были, еще какие-то шишки местные из Казахстана в Астане, и уже хорошо приняли, начали шуточки шутить, и какой-то из министров говорит: «Мы понятия не имеем, что за такой Таможенный союз. Это как детские качели: на одном конце мы сидим, а на другом конце сидит какой-то мальчик, который то ли спрыгнет с этих качелей, то ли не спрыгнет, мы совершенно понятия не имеем»». А Игорь вдруг говорит: «Ты знаешь, еще если учесть, что мальчик безумный», — все: ха-ха, хи-хи, зааплодировали. Если раньше его приглашали в Казахстан, больше его в Казахстан не приглашают.

Я не могу предсказывать того, что наш президент совершит в нефтегазовой отрасли, это очень тяжело предсказывать.

Реплика. А все-таки корпоративный ландшафт [нрзб] с «Газпромом». Вы это обсуждали, а в нефти остаются частные компании.

Крутихин. Пока частные компании есть, но они какие-то очень странные. Во-первых, они ужасно лояльные, эти компании. Самая интересная компания, на мой взгляд, — это «Лукойл». «Лукойл» бросает вызов желаниям Путина и пожеланиям правительства, когда говорит: «Я не буду братья за политизированные проекты, которые невыгодны. Если в проекте не просчитывается 16,5% внутренней нормы рентабельности, у нас есть правило: за такой проект мы не беремся». Из-за этого они многие проекты в России свернули, не берутся. Они в Ираке, в Анголе и в других странах. В Ираке замечательно они сейчас работают, у них неплохо все дело обставлено. А в России во многие места они просто не идут, несмотря на то что их туда хотели затянуть, Путин даже рекомендовал. А они бросают такой вызов. Ну что же, это коммерческие работающие компании со своими интересами.

Вопрос. Куда «Лукойл» хотели затянуть?

Крутихин. В Восточную Сибирь. Они говорят: «Я не пойду в Восточную Сибирь, там невыгодно». Там любое месторождение нефти обязательно имеет газ. Газ девать некуда. Сжигать его нельзя, запрещено. Если больше 5% газа сжигают, то это чудовищные штрафы сейчас накладываются. Он вообще не собирался идти в Восточную Сибирь. На Дальний Восток он совершенно не идет. Есть хорошие такие компании, есть компании очень странные, вроде «Сургутнефтегаза». Компания, которая накопила гигантский запас в долларах. Приятель Богданова говорит, что Богданов — странный человек, он до последнего момента жил в коммунальной квартире, пока его жена наконец не достала, и ездил на «козлик» на этом старом советском по своему Сургуту. Накопил гигантские долларовые средства. Он в результате падения рубля не только не пострадал, но компания стала богатой очень. Он со своим приятелем, который командует там местным отделением «Сбербанка», советуется: «Слушай, куда деньги девать, я не знаю. Куда их вкладывать? Золото, что ли, купить физическое?». Говорит: «Так, две проблемы. Хранилище надо строить в Сургуте, как Форт Нокс. А второе — если я сейчас начну физическое золото покупать, я со своими деньгами обрушу весь рынок золота глобальный мгновенно, за пять минут обрушу». Так что я даже не знаю.

Вопрос. Можно в рамках этой темы? Понятно, что судьба независимых компаний в России зависит, во-первых, от себестоимости добычи, от близости к трубе. Все же перспективы сохранения и появления новых — от чего это зависит, с вашей точки зрения?

Крутихин. От инвестиций, от инвестиционного климата. Они не очень богатые, им трудно длинные деньги откуда-то добывать, им трудно вообще деньги добывать. Им бы, конечно, хорошего иностранного инвестора. А иностранный инвестор к нам в эти места не идет. У меня сейчас есть несколько замечательных предложений, очень хороших, мы ищем иностранца, который бы согласился прийти в добычной проект. Там есть разведка, добыча — очень перспективные места. Там всё, и транспортировка есть, всё очень хорошо. И цена, кстати, очень приличная по нынешним масштабам, можно довольно дешево все это купить. Не идут! Говорят: «Мы не заинтересованы». Я когда-то иностранцев спрашивал: «Ребята, вы почему в Россию не идете? Что вас останавливает, самая большая проблема? Может быть, это коррупция?». Все вот говорят: «Коррупция, коррупция...». Я тут в Норвегии проводил два семинара — 4 часа один семинар, 3 часа другой семинар. А задача была такая: как работать в российском нефтегазовом секторе — по закону или по понятиям? Я сначала объяснял, какие существуют уникальные условия работы в результате коррупции, личных связей и т. д., воздействия органов власти на инвестора, а потом я пытался их убедить в том, что можно работать в России, оставаясь по правильную сторону от закона, то есть быть совершенно чистыми. На хороших примерах. Действительно, есть такие примеры, абсолютно чистые. По-моему, я не убедил никого! Это убедить ужасно трудно. Но мне говорят: «Да что там коррупция! Ты посмотри — какая-нибудь Нигерия: там с коррупцией еще хуже, поэтому мы привыкли работать в таких условиях». Я говорю: «А что тогда? Доминирование какой-то государственной структуры?» — «Нет. Это — смотри — Саудовская Аравия. Там есть эта компания национальная, и никуда ты не денешься. И во многих странах такая же история. Везде, где ОПЕК, там эти национальные компании». Я говорю: «А что тогда?» — «Юридическая незащищенность собственности!». В России отсутствует юридическая структура, нет справедливых судов, невозможно добиться справедливости. Это главная причина того, почему мои нефтегазовые инвесторы не идут в Россию или идут на каких-то особых условиях. Вот, извините, такие условия.

А маленьким сейчас очень трудно! Денег нет, и...

Вопрос. А можно я конкретизирую вопрос? Допустим, есть деньги. Есть деньги [нрзб], неплохо расположены, нефть, себестоимость добычи не очень высокая. Для них существуют риски того, что монополия в виде «Роснефти» рано или поздно придет с предложением, от которого они не смогут отказаться?

Крутихин. Есть очень серьезный такой риск. Мало того, это пытались закрепить и уже закрепили законодательно — в 2008 году были приняты абсолютно драконовские ксенофобские поправки в закон «О недрах», в закон «Об иностранных инвестициях», которые говорят, что если, например, инвестор у себя на участке ведет разведку и открывает месторождение, где больше 70 миллионов тонн нефти или больше 50 миллиардов кубометров газа, то он имеет возможность передать этот проект государственной компании и может сформировать совместное предприятие, где на долю младшего партнера он может войти... То есть когда у нас один инвестор иностранный сделал довольно серьезное открытие, он к нам прибежал, говорит: «Что делать-то? Сейчас у меня отберут». Я говорю: «Необязательно. Если хорошие отношения с руководством, если “Роснефть” далеко, то не отберет. Но на всякий случай, — говорю, — посоветуйся с такими геологами, они тебе посоветуют сначала объявить — результаты испытания скважины очень легко подгоняются, — что у тебя там не 70 миллионов тонн, а 65 миллионов тонн ты открыл, зарегистрируй это открытие, все нормально. А потом, по мере выработки этой

нефти, ты будешь добавлять, новые открытия регистрировать и прочее». Есть способы обойти подобные запреты, когда это не очень много.

Но есть возможность у небольших, средних и маленьких компаний работать там, где «Роснефть» не очень заинтересована. Одна из компаний для меня просто образец того, как честно можно. Это Иркутская нефтяная компания, например. Она не работает на федеральном уровне, она работает в Иркутской области и на юге Якутии, у нее очень неплохие месторождения, она прекрасные отношения установила с местными властями не на основании материальной заинтересованности власти, а просто потому, что это лицо области, они там очень хорошо работают. Они в партнеры себе Европейский банк реконструкции и развития привлекли, в партнеры долевыми, получили какие-то деньги.

Вопрос. Без коррупционных скандалов?..

Крутихин. Нет, там всё нормально. Если этот банк вошел, там всё было нормально. У них не было коррупционных скандалов.

Реплика. Я хотел добавить про Европейский банк, что как раз вхождение, как мне кажется, целью было, чтобы в том числе — защита от «Роснефти».

Крутихин. Да, это одно. Они получили хороший кредит, а потом постепенно выплачивали кредит, выкупая частично доли этого банка на доленое участие. Но это помогло им получить иностранного партнера. Это японская государственная компания JOGMEC, с которой мы очень плотно работали, мы им помогли создать совместное предприятие с Иркутской нефтяной компанией. Они создали два таких предприятия. У японцев как? Они сначала входят в какой-то стране в какие-то проекты, государственная компания; когда видят, что там все нормально, видят, что есть какая-то прибыль, они продают большую часть своей доли своим японским — от «Марубени» и «Сумитомо» до «Митсубиши» и «Мицуи» — этим крупным корпорациям, и те начинают работать там по-своему. Так и получилось на этот раз — они продали «Марубени» и «Импексу» и сами оставили себе маленькую долю, то есть это еще иностранные партнеры, это еще два совместных предприятия, это еще новые открытия. То есть работать, в принципе, можно. И у них есть доступ к трубе, чтобы экспортировать нефть на восток через Тихий океан, так что можно работать. Трудно, но можно.

Вопрос. Еще вопрос. Почему не приходят к переработке нефти у нас и транспортировке и продаже уже нефтепродуктов?

Крутихин. Как не переходят? Вот в России, если очень грубо говорить, вот добывают объем нефти, 1/3 перерабатывается и используется внутри России, 1/3 в сыром виде экспортируют, и 1/3 перерабатывается, но экспортируются нефтепродукты: дизтопливо, мазут, нефть так называемая, прямогонный бензин так называемый. Эти все продукты идут. Очень много там продуктов низкого качества, поэтому их иногда европейские нефтеперерабатывающие заводы покупают для того, чтобы использовать как сырье дальше в более дорогие продукты. Это всё есть, и это все пытаются регулировать. И, кстати, довольно неплохо регулируют экспортными пошлинами на разные типы нефтепродуктов, чтобы каким-то образом балансировать внутренний рынок, экспорт сбалансировать. Это все спокойно делается. Но не хватает мощности наших заводов, чтобы только экспортировать

высококласные продукты. Отчасти еще и потому, что в Европе будут простаивать эти заводы. Европа — это не самый интересный по этому бизнесу регион. Мы видим, что в Европе на протяжении последних 30-35 лет не построили ни одного нового нефтеперерабатывающего завода. Построили только один — «Лойдо-2000» — в Германии, но на месте старого. Старый разрушили и построили. А невыгодно! Маржа переработки иногда опускалась вообще в отрицательные показатели, а так у них 5%, это максимум, что есть. Это невыгодное дело — переработка там. И у нас она не очень выгодная. Это когда крупная интегрированная компания — она может как-то маневрировать переработкой, добычей, реализацией, тогда это может что-то работать. А если один переработчик — он будет невыгоден.

Реплика. Просто наши заводы советские расположены далеко от границы, и это невыгодно для России — везти нефтепродукты, потому что экспортировать дизель или бензин гораздо дороже, чем нефть. И вообще, перерабатывать ее лучше в месте потребления, если у тебя не огромный завод, как в Саудовской Аравии.

Крутихин. Всё правильно. У нас сколько было планов развития нефтехимии! Из нефти делать химикаты, полуфабрикаты, пластмассы и возить это дальше... Но когда стали считать — коммерчески это совершенно не проходило.

Вопрос. А как пример, например, «Сибура»?

Крутихин. «Сибур» — у него огромный внутренний рынок. Эта компания вполне эффективно работает, всё нормально работает. У нас очень трудно сказать, какие выгодные компании, а какие невыгодные. Вот проект «Ямал СПГ» — знаете такой, новатэкковский? Вот маленький пример, как всё это появилось. Была очень хорошая компания «Новатэк», которая делала прекрасный бизнес на торговле конденсатом. Они его стабилизировали, доводили до Кандалакши, грузили в танкеры, отправляли в Европу и продавали замечательно совершенно. У них был завод в Пуре. Хорошо работала. Потом начались какие-то подвижки, вышли на них одни ребята, потом другие ребята. И говорят: «Ребята, надо бы еще бизнес расширить, кое-чем заняться. Мы тут “Сибура” кусочек прихватим, тут сделаем. Якова Голдовского в тюрьму отправим». В конце концов вышел на них товарищ Тимченко, который сказал: «У меня есть административный ресурс у президента, давайте мы сейчас президента удивим, скажем, что мы можем, в отличие от “Газпрома”, сделать завод по сжижению природного газа в Арктике, и мы оттуда завоюем, это будет витрина нашей газовой отрасли». Пошли к Путину, тот сказал: «О, как хорошо! Замечательно! Давайте, полный вам вперед». Хорошо, 26 миллиардов долларов требуется на то, чтобы построить этот самый завод, плюс к этому что происходит? Путин лично распоряжается освободить предприятие от всех налогов вообще, вообще всё по нулям. Россия не получает ничего. Единственное, что они платят, — это каким-то местным племенам оленеводов, какие-то смешные там вещи, строят на своем газопроводе ворота, через которые олени смогут, не задевая рогами, проходить. Вот какие-то блага такие дают. Затем Путин говорит: «Всё, мы вам покрываем строительство порта арктического Сабетта на 2,5 миллиарда долларов, меняем экологическое законодательство, чтобы вы могли там всякое дерьмо сбрасывать в Северный Ледовитый океан рядом с вашим портом, — поменяли, — финансируем строительство ядерных ледоколов, отчасти финансируем строительство газозовов-челноков, которые будут возить ваш газ, и вообще вам будет там очень всё хорошо». «Прекрасно, — говорят они, — мы вам даже на таких условиях иностранных

партнеров найдем». Нашли китайцев и Total, французов. Хорошо, есть соглашение, как обычно, 40% покрывают партнеры тоже заемными средствами, но это их доля, они покрывают стоимость этого. Вроде бы нашли. А дальше 60% — бамс — и денег никто не дает! А тут еще и санкции ударили лично против товарища Тимченко, да еще и против самого проекта, против заимствования долгосрочного. Побежали к китайцам: «Вы обещали». Китайцы говорят: «Ничего вам не обещали, денег никаких не дадим». Побежали к Путину, говорят: «Может, все-таки из Фонда национального благосостояния что-то займем?» — «Вот вам два транша выделим, ВТБ даст или еще какой-нибудь банк», — но там смешно дали. «Ищите заемные заимствования на условиях проектного финансирования, как все остальные инвесторы делают». Total побегал-побегал по Европе и говорит: «Вы знаете, в Европе никто денег не дает!». Китайцы тоже денег не дают. Что делать? Проект-то престижный, там уже всё идет — строительство, освоение этого месторождения. Всё очень красиво делается. Там порт будет арктический, и со дна моря будут подниматься пузырьки теплого воздуха, чтобы лед не замерзал в акватории порта, это будет джакузи, в общем, они строят в Арктике. Очень красиво всё!

Так вот, я сижу с приятелем из японского инвестиционного банка, крупнейшего инвестиционного банка — по всему миру дают деньги направо и налево, — и он мне говорит: «Ты знаешь, нас попросили, — это уже года два тому назад было, — софинансировать проект “Ямал СПГ”». Я говорю: «Смотри — спонсируется лично президентом, это замечательный проект. Что вы?!». Он говорит: «Вот поэтому и отказались». Я говорю: «Давай объясняй». Он говорит: «Посмотри, когда мы просчитали проект, выяснилось, что без налоговых льгот этот проект — абсолютная пустышка, и он коммерчески нерентабелен, такой газ невозможно продать — тот дорогой газ, который у них там получается. Нельзя его продать. Дальше: налоговые льготы, которые лично дает президент. Представь себе: мы банк. Хороший банк, солидный. Мы должны дать два миллиарда долларов сроком на 25 лет — раньше всё равно не окупится этот проект даже со всеми льготами — под личные гарантии только одного человека. А вдруг через 25 лет Путин не будет президентом России? А вдруг он поменяет мнение?». То есть банк под такие гарантии денег не даст. И китайцы мотивируют не только этим, а еще и тем, что они не хотят портить отношения с американцами, которые плохо смотрят на большие займы российскому нефтегазу в условиях санкций. То есть денег нет, что будет делать проект — совершенно неизвестно. Они там уже подписались на поставки сжиженного природного газа вплоть до Индии через «Газпром» — и много чего еще: и Испании газ пообещали, и китайцам газ пообещали. И у них уже идут отгрузки из Китая первых блоков под этот завод по сжижению газа, то есть там должны строиться блоками, потом доставляться и собираться на берегу такими модулями — этот завод. Я не знаю, что с ним будет дальше.

Может быть, как это было с освоением Киринского месторождения, пробурили одну скважину, оборудовали ее этим подводным добычным комплексом, на экране телевизора Путин нажал красную кнопку, газ якобы куда-то пошел, через 15 минут после выключения телекамер скважину закупорили. Потому что некуда девать этот газ, и вообще были проблемы с этой скважиной. Так вот, что будет с этим проектом? Построят, может быть, одну очередь из всех этих очередей. Он должен 16,5 миллионов тонн сжиженного природного газа выдавать... может быть, и не будет выдавать.

Вопрос. А сколько общий капекс?

Крутихин. 26 миллиардов они должны — стоимость этого. Теперь Олимпиадами можно мерить, можно фонтанами в Грозном мерить. Не знаю...

Вопрос. Природный газ ведь бесплатный. Чем он хуже, чем австралийский газ? Почему так дорого стоит?

Крутихин. Ну вот, например, просчитали. У меня есть ТЭО для завода по сжижению газа во Владивостоке, когда они еще считали всё это вместе с японцами. Они два ТЭО подготовили — наши подготовили и японцы подготовили. Я смотрю — газ на входе на завод в тот момент, когда они считали в 2011 году в январе, должен был стоить примерно 11-12 долларов за 1 миллион британских тепловых единиц. В тот момент 18 долларов стоил газ на рынке Японии. Они говорят: «Вот ничего, там у нас сжижение будет 3 доллара, доллар будет транспортировка, потом регазификация, мы еще каким-то образом в это дело укладываемся». Сейчас меньше 7 долларов в Японии стоит! То есть газ, который 11-12 должен на входе на завод, до еще газификации, стоить, — во-первых, его еще и нет! — тот газ не проходит ни по каким показателям.

Реплика. Экономика на споте насколько [нрзб]. Даже если он будет [нрзб].

Крутихин. Нет. Ну вот, например, на Ямале газ, Бованенковское месторождение. Стоимость извлечения газа, *lifting cost*, то есть сколько стоит газ поднять на скважине, эксплуатационные издержки как бы, — это за 1000 кубометров \$4,4 всего. Но построить это всё на Ямале — это совершенно чудовищные расходы! Построить газопровод с Ямала, 8 ниток через Байдарацкую губу бросить... 4 построили, 4 свернули, судно трубоукладочное «Дефендер» они свернули, оно ушло, потому что нет спроса на «Северном потоке». Они планировали много ниток «Северного потока» и должны были 8 ниток построить перехода через Байдарацкую губу. Но, во-первых, этот проект был — самое дорогое решение. Они всегда выбирают самое дорогое! Потому что надо было от этого Бованенкова строить по суше газопровод — по суше! — до Ямбурга, откуда начинаются все магистральные газопроводы в Европу. Там половина уже пустая этих мощностей! И надо было использовать вот это. Нет, давайте мы новый построим! В труднейших условиях. Там 44 миллиарда долларов вся система должна была стоить до входа в «Северный поток», вот они туда и вложили. Если кому-нибудь нужно трубоукладочное судно «Дефендер» под контракт, я вам могу устроить, потому что оно сейчас без работы стоит. Сняли, потому что нет достаточного спроса на «Северном потоке», чтобы строить все эти 8 ниток.

Реплика. В начале беседы вы говорили о том, что спрос на нефть после 2035 года, по прогнозу, начинает падать, поэтому есть логика у саудитов продавать за любую цену, потому что потом просто не продается.

Крутихин. Совершенно верно.

Реплика. Насколько я понимаю, у американцев есть достаточно дешево извлекаемая нефть сланцевая, которая [нрзб] для лучших времен. Если вроде как прогнозу верить, то тогда надо раскупоривать и использовать, пока...

Крутихин. Незакупоренная нефть. Там нужно различать два рынка нефти. Рынок легкой нефти и рынок тяжелой нефти. У американцев сейчас переизбыток легкой нефти.

Сланцевая — она вся легкая, и малое содержание серы. Она действительно такая. И они как раз — почему они дали разрешение на экспорт конденсата? Это фактически нефть, но самая-самая легкая, почти бензин. А тяжелой нефти им не хватает. Во-первых, она им действительно нужна. Там есть продукты, которые из тяжелой нефти только получают. И есть заточенные под эти сорта нефти нефтеперерабатывающие заводы в Луизиане, в Техасе, по всему побережью Мексиканского залива, они работают на такой нефти. И они будут очень долгое время покупать нефть из Персидского залива тяжелую, из Венесуэлы, из Бразилии — отовсюду, где есть эти сорта нефти. И когда они станут нетто-экспортером нефти, говорят, что после 2025 года, то часть они будут всё равно закупать, а часть они будут экспортировать. Это разные получаются рынки такие. И я думаю, что они будут исходить из собственных интересов. Сейчас, когда \$3 за галлон заправиться, там народ радуется, вообще всё хорошо. А когда еще прыгает ниже в некоторых местах, чем \$3 за галлон, то это совсем какие-то старые времена вдруг вернулись. Америка будет процветать на этом деле! И на газе, и на нефти, на угле. Она поставляет уголь и конкурирует сейчас с Россией в Европе элементарно совершенно, ей не нужен этот уголь, потому что газа и нефти вполне хватает на всё что угодно. А Россия раньше продавала свой уголь по \$85 за тонну в Европу, а сейчас по \$47, потому что конкурирует с американскими делами.

Я могу еще долго рассказывать.

Вопрос. Как вы оцениваете перспективы Сингапура и хаба, который есть в Сингапуре? Перспективы «Газпрома» выхода на этот рынок?

Крутихин. Нет, а как — только со сжиженным природным газом они могут выйти на этот рынок, а его нет! Потому что... в Сингапуре еще не скоро будет хаб. Понятно, что есть виртуальные объемы, которые через Сингапур торгуются, там есть много поставщиков, которые на Сингапур якобы поставляют газ, и много торговцев, которые забирают из Сингапура. И там вроде бы биржу вполне можно было бы создать. Но планы такие, что, может быть, лет через 5-7 только они осуществляются. По крайней мере, road map там есть такой, который очень быстро не получится.

Если посмотреть на отчеты «Газпрома», они говорят: «Мы реализовали в прошлом году 167 миллиардов кубов газа». Я смотрю в статистику на основе данных таможи — сколько газа пересекло границы Российской Федерации, это опубликовано на сайте нашего Центробанка, совершенно всё поквартально изложено, по всем годам можно спокойно посмотреть, и вдруг выясняется, что всего 123. Как же такое получилось? Это в дальнее зарубежье имеется в виду, не в СНГ. Оказывается, просто газпромовские фирмы покупают чужой газ и перепродают его. Вот они подписали среднесрочное соглашение о поставках газа в Индию, сжиженного природного газа. Ну нет у «Газпрома» сжиженного природного газа, кроме как на «Сахалине-2», а там всё уже разобрано клиентами давным-давно.

Они покупают на спотовом рынке подешевле этот газ и поставляют в Индию уже по среднесрочному контракту, где цена немного выше. И имеют свой небольшой заработок так. И еще в отчетности очень красиво показано, что «Газпром» вон сколько газа реализовал. Нормально.

Реплика. У них уже большой трейдинговый бизнес.

Крутихин. Да. Вот они там сидят, это у них отделение «Газпром маркетинг и трейдинг», штаб-квартира у них в Лондоне, у них в Париже уже есть отделение, в Нью-Йорке есть отделение, так что да, это хорошая трейдинговая компания. Они начинали — в основном были иностранцы, и они ужасно жаловались на центральный аппарат «Газпрома» в Лондоне. Они говорят: «Что делать? К нам прибегает покупатель, говорит: “Я хочу купить газ там-то”, — все выгодно, нормально, вот цена прекрасная, устраивает. Мы даем в Москву команду, Москва через две недели отвечает: “Да, мы согласны рассмотреть эти условия”. А покупатель уже ушел!». Просто в «Газпроме» так дела делались. Но я еще раз говорю: он очень сильно меняется. Да, там есть коррупция, те начальники, которые себе «золотые парашюты» какие-то готовят. Было такое: к нам прибегает клиент несколько лет тому назад и говорит: «У меня было предложение о поставке технологий для “Газпрома”, я был в четырех департаментах “Газпрома”, и мне везде сказали, что для того, чтобы я что-то такое продал, надо сформировать совместные предприятия». Путин любит импортозамещение, локализацию продукции в России и т. д., поэтому нужно, чтобы это было совместное предприятие. «Вот вам имя компании, которое будет у вас самым лучшим, тогда 100% гарантии — вы выиграете ваш тендер». Он прибегает к нам и говорит: «Вот четыре названия компании — все 100% гарантии, что я выиграю тендер. Какая из них действительно сработает?». И стали проверять — не одна всё это? Это было — чисто филькина грамота, это начальники департаментов «Газпрома» просто свои дочерние предприятия ему подпихивали, которые ничего не понимали в этой технологии. Мы нашли ему компанию, которая хотя бы отдаленно понимала в этой технологии и у которой были связи, выходы на солидных людей, принимавших решения вокруг президента, и он тогда выиграл этот тендер. Потому что вот идти в «Газпром» и что-то делать... Прибегает к нам товарищ: «Ты знаешь, мы принесли “Газпрому” — презентацию сделали в одном из департаментов — нужнейшие для “Газпрома” технологии. Сидят с каменными мордами, вообще не реагируют. Им совершенно это не нужно». Я говорю: «Вы забыли сказать волшебные слова». — «Какие волшебные слова?» Я говорю: «Понимаете, в следующий раз пойдете в другой департамент, и, когда будете делать презентацию, прямо перед презентацией скажите, что наша компания выделила бюджет на продвижение нашей технологии в России, и посмотрите, что получится». Да, все сработало. Тут же улыбки на мордах, тут же: «Ребята, какой там вам бюджет выделили на продвижение вашей технологии?». Народ такой, что делать?

Вопрос. Просто вы говорите, что после 2035 года должно быть падение спроса, но, насколько я знаю, в этом году ОПЕК, Международное энергетическое агентство повышают постоянно прогнозы по спросу, где-то на 2 миллиона баррелей в день растет. На следующий год тоже вроде бы спрос. И при этом вы говорите, что в России сейчас будет быстро падение, в Венесуэле, в Нигерии тоже всё очень плохо. И параллельно вы говорите, что будет цена по \$45 за баррель. Неужели рынок может в этой парадигме какое-то существенное время существовать?

Крутихин. Может. Это будут колебания, я про среднее говорю. Раз. Второе: ко всем предсказаниям нужно относиться, естественно, с огромной долей недоверия. У меня перед этим был разговор на два часа с экспертами Международного энергетического агентства из Парижа. Вот они приехали, два часа я их тоже просвещал, что называется. Первое, что я им сказал: «Ребята, что у вас в вашем Международном энергетическом агентстве в Париже каждые три недели новый прогноз? Он прыгает, невозможно на вас ориентироваться». Они говорят: «Да, все жалуются, но мы всё время перестраиваем свои прогнозы», — потому что,

если посмотреть на график, у них эти прогнозы вот так прыгают. Из них можно сделать всё что угодно, из этих прогнозов!

Вот есть в «Газпроме» один деятель — заведующий отделом ценообразования в «Газпром экспорте» Сергей Комлев. У него задача раньше была: он ездил по международным конференциям и везде рассказывал, что монополия — это хорошо, а конкуренция — это плохо, поэтому давайте, ребята, принимать все условия «Газпрома». Такая была у него задача.

Сейчас он радикально поменял свои воззрения, но как? Он уже не настаивает, что монополия — хорошо. Я посмотрел его последние выступления, последние слайды, которые он показывает: ужасно объективно показаны все прогнозы, которые только есть, по потребностям газа в Европе, вот он их штук 40, наверное... Большой, маленький, большой, маленький. Потом он рисует все эти прогнозы в линию, в толстую линию: по максимуму, по минимуму, что будет так. Потом рисует какую-то воображаемую среднюю линию, потом берет самый лучший для «Газпрома» прогноз и говорит: «Вот, по нашим подсчетам, будет вот так». То есть понятно, что человек, просто привыкший ко всем этим делам, оперирует этими прогнозами. И вот эти... 2035 год — никто вам не скажет с уверенностью, что будет, что не будет в этом 2035 году. Вот в начале 2014 года, до того, как начали падать цены, не только я, но и все мои знакомые, очень авторитетные и серьезные экономисты (я-то не экономист, а они-то экономисты), были уверены в том, что ниже \$80 цена нефти не упадет. Почему? У Саудовской Аравии есть обязательства перед своим населением, есть «арабская весна», которая угрожает в том числе и государствам Персидского залива, поэтому надо поддерживать штаны, и они должны держать нефть на этом уровне, они всё сделают, чтобы так было. Все получилось совершенно по-другому! Саудовская Аравия взяла совершенно другую стратегию, потому что поняла, что надо сохранять рынок. А не цену. Они по этой линии пошли.

Реплика. Если не ошибаюсь, у Саудовской Аравии бюджет рассчитан на 50 долларов.

Крутихин. Больше \$100 сейчас.

Реплика. Минимальный.

Крутихин. Чтобы им выполнить все социальные программы, им нужно больше \$100 за баррель. Но в Саудовской Аравии — вы посмотрите: если нам нашего Фонда национального благосостояния при нынешних темпах расходов хватит примерно года на два, это в лучшем случае, у Саудовской Аравии, когда просчитывают их суверенный фонд, его хватит на 5 лет. Но надо учитывать, что есть еще так называемые исламские фонды, благотворительные фонды, где еще в 1,5 раза больше средств накоплено людьми, ассоциированными с королевским семейством. И они могут быть задействованы для поддержания стабильности в стране. То есть там денег гораздо больше!

Реплика. Есть запас прочности.

Крутихин. Очень серьезный запас прочности. Мы эти фонды не учитываем, а они там есть.

Евгений Тонкачев. Коллеги, очень интересный доклад, очень интересный докладчик. И даже у меня самого количество вопросов с течением времени накапливается. Я думаю, надо договариваться о следующей просто встрече, если это будет возможно.

Реплика. В идеале надо сделать продолжение.

Крутихин. Вот сегодня японка, которая была из этого Международного энергетического агентства, сказала: «Я после вашего рассказа спать не буду, буду всё это дело переваривать». Потому что то, что еще вчера был этот потрясающий семинар по ценам на нефть. Вам бы еще ИМЭМО послушать, что люди рассказывали и что они серьезно просчитывали, там очень интересно сейчас.

Реплика. По поводу ИМЭМО. Честно говоря, немного удивительно: у меня руководитель был в аспирантуре, он был человеком сектора матмоделирования ИМЭМО. Их закрыли!

Крутихин. Там очень много людей, которые абсолютный мусор. Иногда я говорю: «Может быть, на следующий семинар, — у них семинар ежемесячный, “Нефтегазовый диалог” называется, — вот эту парочку не надо приглашать? Они такой идиотизм иногда городят». — «Нет, надо. Они у нас в институте такие». Там серьезный энергетический центр образовался, потом при ИМЭМО институт энергетических проблем работает очень интересный. Там серьезные люди собрались многие.

Реплика. Они сильно меняются.

Крутихин. Сейчас они меняются в лучшую сторону. Даже не прогнозы. Прогнозы — это прогнозы, это оставьте... а то, что они меняются в своем анализе к лучшему... Много еще мусора, но всё равно с ними всё интересней и интересней.

Тонкачев. Спасибо огромное.

Крутихин. Вам спасибо.